

Татъяна Гильмитдинова

Чай со вкусом меланхолии

Татьяна Николаевна Гильмитдинова

Чай со вкусом меланхолии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68810145

SelfPub; 2023

Аннотация

В сборник вошли произведения философской, пейзажной и городской лирики, написанные, в основном, в 2020 – 2022гг. Бонусную часть книги составили современные сказки. Если вдруг сильно взгрустнется, читайте раздел "Улыбнуло"

Содержание

Желание исчезнуть	4
Улыбнуло	97
ГОРОД	137
Сказки	169

Татьяна Гильмитдинова

Чай со вкусом меланхолии

Желание исчезнуть

... теперь стала любить тишину
И часами смотреть на луну.
Что там вижу, сама не пойму...
Да, неважно.
Жестко чувствую времени ход -
Не всегда этот ход вперед,
И кораблик мой не устаёт
Быть бумажным.

Где-то там – полетать хочу,
Где-то здесь – беру и лечу,
Иногда про себя я шепчу -
Осторожно.

Я стираю свой бледный вид,
Голова с ночи не болит,
А на небе луна хандрит –
Ей тревожно.

В этот раз – боевой раскрас,
В этот раз – всё здесь и сейчас.
Нереальности иконостас
Греет душу.
Маяки темны и тихи -
Я проснулась в стране глухих.
И читаю свои стихи...
... слушай.

Жизнь перекраивая вширь, мы постоянно
мельтешим,
Кого-то ждём среди потрёпанных минут.
И зарываем в грудь слов свою
ненужную любовь,
Ничуть не веря, что нас примут и поймут.

Вся жизненная полоса разложена на голоса –
Мы ищем свой, пока не устаём искать.
Закрыв талмуды партитур, включаем
дураков и дур –
Нам слишком сложно, нам не надо
много знать.

Сквозь этажи разбитых снов пробьётся
новая любовь,
И мы опять её оставим на потом.
Среди нагромождений лжи
мы забываем просто жить,
Хотя уверены, что живы и живём.

Желание исчезнуть

Когда ничего не происходит
Приходит
Желание исчезнуть
Раствориться
Чтобы было не дозвониться
Ни мне
Ни каким-то друзьям и знакомым
Стереть из памяти номера телефонов
Не выходить в соцсети

Ни с кем не встречаться
Умчаться...

Да, нет...

Не умчаться

Просто исчезнуть

Появиться там, где никогда не бывала

Где никого не знаю

Ходить по городу ничего не запоминая

Засунув руки в карманы

Шагать по странно

Безлюдным улицам

Слегка щуриться

От яркого солнечного света

И при этом

Осознавать, что меня нету...

Смят

Акварельно-розовый закат.

Тает растворяясь в облаках,

Исчезает, став частицей ночи.

Вновь

В чьё-то незакрытое окно

Ветер нагоняет стаи снов,

Смело их вставляя между строчек.

Вальс

Незаконченных и рваных фраз,

Чуть кружить начав не торопясь,

Яростно поднимет мыслей вихри.

Лишь

Одолев предутренний рубеж,

В мягкие пульсации надежд

Превратятся вихри и затихнут.

День,

Просыпаясь где-то в глубине

И переосмысливая тень,

Свет и звук миксует неустанно.

Мир –

Знающий и опытный факир,

Законнектаясь с окнами квартир,

Не стесняясь, льёт потоки спама.

Август

В сером доме большом – этажи, этажи...
Неприменно собьёшься, принявшись считать.
Раскладушечные саксофоны пружин
И скрипят, и визжат, и мешают мне спать.

А над домом большим – тучи и облака
Быстро-быстро летят, оставляя клочки.
С неба серо-тягуче стекает тоска,
Наполняя до края собою зрачки.

А за окнами дома – дожди и дожди,
И размокшего лета прощальный эскиз.
Торопясь поскорее тепло проводить,
Обновила не раз осень свой пресс-релиз.

Серый дом, серый мир...

Этажи...

Этажи...

Снизу – улица, сверху – всё в рваных клоках
Утомлённое небо на крыше лежит.

Отдохнуть бы...

Уснуть...

Улететь в облака...

Отпустите меня в тишину,
Где слышны только птичьи трели,
Где трава зеленеет в апреле
И где мир не привязан к окну.

Отпустите меня поскорей.
Чтоб успеть, надо поторопиться,
И по полной в ночи насладиться
Звезд сияньем, а не фонарей.

Отпустите! Уйду налегке,
Прихватив только горстку везений
И оставив баулы сомнений,
Чтоб рассвет отпечатать в зрачке.

Успокоюсь, нырнув в глубину
Безмятежных туманных просторов,
И забуду про каменный город.

Отпустите меня в тишину.

Опять на мир смотрю через окно -
На улице мороз, в душе досада.

Хочу понять – что надо, что не надо.
И точно знаю – всё предreshено.

Мольберт, лист, кисть, вода и акварель -
Отвлечься, убежать в страну мечтаний,
Нечётких образов и мягких очертаний.
И сделать вид, что отыскала цель.

Уже не белый лист, уже цветной.
Он – как окно, но только не наружу,
А внутрь, где любой порыв наступен
Суровой, тёмной, неживой зимой.

Так надо – острые осколки льда
Подтают, оплывут, не будут ранить.
И пусть снаружи жёстко, но ведь в раме
Картина лучше выглядит всегда.

Несказанные слова

Неровная дробь дождя.
Размазанный свет фонарей.
Торопишься уходя.
Запутался в смене ролей.

Несказанные слова.

Холодный рассеянный взгляд.
Заплаканная листва
Сморкается в смятый закат.

Изломанные ручейки
По стеклам скользят в темноте.
Непонятый взмах руки
Смешался и улетел.

А серую хмарь души
Туманом затынет покой.
Ну, ладно – звони, пиши...

Хотя...
я уже не с тобой.

И снова снег...

И снова снег, и снова темнота...
И хочется, уснув, не просыпаться,
Не видеть снов, в которых пустота,
Не ждать того, кого нельзя дождаться.

Под фарами снежинки в темноте
Рисуют грусть холодными мазками.
И все слова, что сказаны – не те,
Кого хотели видеть мы – не с нами.

И медленно летят снежинки вниз,
Становятся покорно серой массой,
Чтоб быть потом раздавленными вдрызг.
Снег. Темнота. Тоска.
Пустая трасса...

Крепкий кофе пахнет так горько.
Пробежали пальцы по клавишам.
Ничего. Пуста «электронка».
Обновить. Заглянуть в папку «спам».

Ни-че-го. Клик – закрыла. Ладно,

Подожду – чудеса случаются.
Глоток кофе. Обжѐг. Досадно.
Телефон?! Нет, не надо! Пусть сам.

Ведь не трудно же, ну, нисколько!
Просто позвонить или написать!
Крепкий кофе пахнет так горько...
Отхлебну. Обожгусь. Буду ждать.

Раз конфетка, два конфетка...
Тихо фантики шуршат.

– Он тебя не стоит, детка, -
Мама с папой говорят. –
Ты найдѐшь себе другого!
Ты наплюй и разотри!

Только темнота и холод
Заполняют всё внутри.
В чём же дело? Почему так?
Как вообще теперь ей жить?
Зная, жить, что его руки
На плечах лежат чужих.

В клуб ночной зовут подруги:
– Оторвись и всё пройдёт!
– Девку потерял какую!
Пожалеет идиот! –
Сердобольная соседка
Цедит в рюмочку коньяк.

Раз конфетка, два конфетка...
Почему же горько так?!

Не любовь

Улыбался другой – ревновала.
Не звонил – ждала, психовала.
Ушел, бросил – звала, кричала.

Но проплакалась –
Полегчало...

Поначалу верила – вернётся,
Позвонит, придёт, улыбнётся,
Куртку снимет, её обнимет.
Повторяла вслух его имя.

Не пришёл...

Отболело, забылось.

Жизнь опять зацвела-закружилась:
Уик-энды, подружки, сейшн, пати,
Парни – взгляды, улыбки, объятия,
Встречи, связи. Динамо, прощания –
Злость, обиды, непонимание.

Ей плевать на любовь, на их чувства,
Потому что в душе её пусто.

Лёд на сердце, и всё подконтрольно...
Но так проще ей жить.
И не больно.

Ты ничего не обещал,
Я не искала тайных знаков,
Не строила воздушных замков.
И не ходила на причал,
Чтобы увидеть алый парус
Среди белеющих вдали.
И независимости статус
С тобой мы оба берегли.

Ты ничего не обещал...

А он был щедр на обещанья.
И каждый раз меня встречая,
В цветную сказку превращал
Мир черно-белый и дарил
Улыбки, ласки, поцелуи...
И сладким голосом чаруя,
Всё говорил и говорил...

Я знала, что он просто врёт.
Но как был мил и как приятен –
Я таяла в его объятьях,
Впитав речей янтарный мёд,
И утонув в потоках слов,
Накатывающих волнами.
В них было всё: взлёт, вихрь, цунами,
Мурашки, бабочки... любовь...
А ты...

Ты честный и прямой.
Хороший, верный и надёжный,
Расчётливый и осторожный.
И слова странного «любовь»
Не знаешь и не произносишь
(Ах, это, право, ерунда!)
И ничего, и никогда

Не обещаешь и не просишь.

Я за тобой, как стеной.

Бетонной.

Серой и холодной.

И чувствую себя свободной,

Хотя не знаю – от чего

И нужен ли такой покой...

Ведь, если честно, всё равно я

Скорее с ним, а не с тобою.

И ты – хоть здесь, но не со мной.

Случайная встреча

На ветвях берёзы лёгкий иней.

Дни темнее и короче стали.

Мы друг друга сразу же узнали –

Годы нас ничуть не изменили.

– Здравствуй!

– Здравствуй!

– Как живёшь?

– Нормально.

Ничего не значащие фразы.

Но в сложившемся случайно пазле

Не был этот элемент финальным.

– Может быть пройдемся? Чудный вечер.

– Я не против.

Тонкий лёд на лужах

И листва в канве морозных кружев

Придавали романтичность встрече.

Не спеша идя среди потока

Вечно торопящихся прохожих,

Весело смеялись, себя всё же

Чувствуя немножечко неловко.

О друзьях-подружках закадычных,

С коими давненько не встречались,

Повздыхали, несколько печалась,

Сетуя на занятость привычно.

И умолкли, вспомнив всё, что было,

Подобравшись к щекотливой теме.

Что сказать?

– А помнишь мы в то время...

А зачем?

Прошло всё и остыло.

Где цвели сады – давно уж пусто...

Улыбнулись.

Разошлись, прощаясь.

И ледок похрустывал, ломаясь,

Аккомпанементом к нашим чувствам.

Сейчас

Листая времени наследство,

Просматриваю все пути:

Там где-то есть дорога в детство,

И я хочу её найти.

Хочу уйти по ней обратно,

И ненадолго, на чуть-чуть,

Забуть тревожащее завтра

И от сегодня отдохнуть.

В этом уютном промежутке,

Когда лишь здесь ты и сейчас,

В себя вобрать весь до минутки

Беспечной детскости запас.

Его надёжно спрятать в сердце,

Вернувшись чтоб во взрослость вновь,

Знать – там, за потаённой дверцей,
Есть верный путь в мир детских снов.

Ведь в сложном жизненном театре
Так не хватает нам подчас
Между вчера-сегодня-завтра
Того волшебного «сейчас».

Апрель

Зарядами снег, порывами ветер,
А в паузах солнце насмешливо светит.

Темнея, осев, снег сконфуженно тает,
А ветер, хитрец, направленье меняет -
Теплей становясь и спокойней, и мягче.

Уже любопытный взглянуть одуванчик
Решился на то, что вокруг происходит,
Друзьям рассказал он,
что желтый вновь в моде.

И те, похваляясь друг перед другом,
Усыпали все бугорки по округам.

Согревшийся столбик термометра вырос,
Но...

Вскоре опять поменял плюс на минус.

А солнце, прощаясь, слегка улыбнулось,
Обиделось небо. Отчаянно хмурясь,
навесило тучи.

И снова в дуэте:
Зарядами снег,
Порывами ветер.

Танец

По паркету кружатся пары
Мягкими широкими шагами
То скользя
То порывисто ускоряясь
Взвиваясь
Летят пышные юбки и фалды
Изгиб спины
Рука на талии
Шелк шуршит объемными буклями
Изящные босоножки кокетничают с черными туфлями
От импозантного фрака отвернута головка
Переход из релеве в деми-плее – ловко
Сноровка

Тренировка

Легкость достигается упорным трудом

Жесть

Дурдом

Стертые в кровь ноги

Но в итоге

Невероятная красота

Парение

Полет

Паркет блестит паркет поет

Четкость и грациозность движений завораживают

Этот вихрь отношений

Пробуждает душевный

Восторг

Обескураживает

И вдруг

Притормаживает

Заканчивается

Останавливается

Танцоры тяжело дышат и улыбаются

Поклон

Реверанс

Пора прощаться

До следующего танца

Назойливый вечный звук
Собрав на краю растекающегося сознания,
Усталость стряхиваем с вялых рук,
Вспомнив мечты, стремления,
планы и обещания.

Взгляд устремляем вперед,
Уплываем и
тихо растворяем мысли в пространстве.
Разворачивая времени ход,
Внезапно выныриваем из моря информации.

Один на один с собой
Где-нибудь вне времени и
вне системы координат,
Балансируем на одной прямой,
Не смотря по сторонам и
не оглядываясь назад.

Север

Покатые сопки, поросшие мхом,
Как будто зародыши гор.
И бледное солнце случайным лучом

Чуть трогает глянец озер.

На белой стене бесконечной зимы
Рисуют граффити ветра.
Меняет оттенки седой белизны
Рассеянно света игра.

Мазками широкими светит в ночи
Полярных сияний флюор,
И месяц не трогают солнца лучи
Застывший морозный декор.

Неяркие краски и, как звукоряд,
Ручьёв монотонный мотив.
И тучи, несущие снежный заряд...
Да, Север суров.
Но красив.

Запах лета.

Хочу уехать, бросив все дела,
Туда, где шелестит листвою лес,
И небольшой церквушки купола
Блестят под синим куполом небес.
Где за рекой зеленые холмы
Лежат, расчерченные солнца ярким светом...

Чтобы среди звенящей тишины
Вдохнуть спокойный теплый запах лета.

Почувствовать дыханье ветерка,
Замедлить суетливый бег минут...
Смотреть, как потихоньку облака,
Меняя очертания, плывут.
И аромат черёмухи ловить -
Усыпанной нарядным белоснежным цветом...

Серебряная паутинки нить
Слегка дрожит, теряясь в тонких ветках.

Встав с солнышком на утренней заре,
Заслушаюсь разноголосьем птиц.
Пройдусь по мягкой, бархатной траве,

Теряя ощущение границ.
Неторопливая течет река...
И я спущусь к воде, негромко напевая...
Душа светла, спокойна и легка...

И кто сказал, что на Земле нет рая?

Прогулка на Сейдозере

Волна резиново обчмокивает борт,
Бликует озеро поверхностью стальнойю,
Навязчиво сигналил эхолот,
Отыскивая рыбу под водою.

Моторчик трудится, взбивая буруны,
Толкает лодку и ворчит натужно.
А лодка, уклоняясь от волны,
Упрямится и руль не хочет слушать.

Со всех сторон плывут навстречу островки,
Не торопясь – вальяжно и степенно,
Сминая аккуратные стежки
Озёрных волн в запутанную пену.

Мотор заглушен, брошен мини-якорёк.
Наживка, удочки, крючок закинут ловко.

Гипнотизирующе дремлет поплавок,
Покачивается лениво лодка.

Любуясь бликами чешуйчатыми вод
И растекаясь, время засыпает.
Есть рыба! – уверяет эхолот.
Но вот клевать упорно не желает.

Дорога

Купе вагонное и стук колес на стыках.
Накатывает сонная истома.
Я уже завтра в десять тридцать буду дома,
Ну а пока, мисс меланхолия, ваш выход.

В оконных рамах слайдами пейзажи.
Заходят и выходят пассажиры.
Мир в поезде становится обжитым,
А что вне поезда – становится неважным.

Знакомства, разговоры, запах снеди,
Свисающие с верхних полок ноги –
Неповторимую романтику дороги
Здесь целиком дают почувствовать соседи.

Потом, утомонившись, все стихают.

Свет гаснет, только кое-где бессонно
И мягко светятся экраны телефонов.
А поезд мчит в ночи, вагонами качая.

Вот долгожданный отпуск. Все заботы
Мы отпускаем – тут о нас радея,
С утра выходит солнце на работу,
Весь день сияет и прилежно греет.

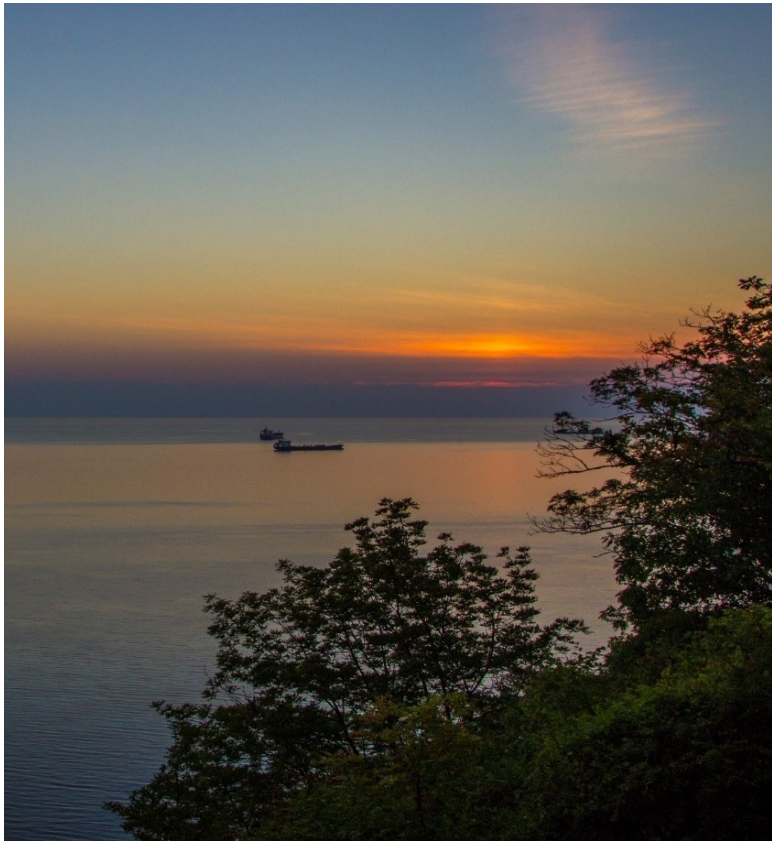
Ласкающие солнечные ванны
С воздушными в приятности поспорят,
И манит восхитительной и влажной
Прохладой плещущееся вальяжно море.

Прорезан берег линиями рельсов.
И сочетается в гармонии отважной
Здесь с грубостью бетонных волнорезов
Терзающий массаж от гальки пляжной.

На камнях черноморские бакланы
Стоят, застыв в монументальных позах,
И ловят, безучастно впав в нирвану,
В распахнутые крылья теплый воздух.

Стрёкот цикад, гроза и два дня шторма -
Чтоб требовательным и изощренным вкусом
Доставить удовольствие по полной.

И к этому пренебреженно плюсом
Незыблемый набор стандартных опций,
Присутствующих на южнокурортном фронте:
Краснеющее на закате солнце
И силуэты кораблей на горизонте.

Южные закаты.
Задувают свечи
Бризы и пассаты,

Наполняя вечер
Легким свежим флёром.

Развлекают берег,
Набежав неровно,
Тихим разговором
Шебутные волны.

Рокоча игриво
Отступают пенясь,
Оставляя милых
Недомолвок прелесть.

Трубочка коктейля –
Терпко, крепко, сладко.
Пальцем по бокалу –
Влажно, льдисто, гладко.
Мягкая истома -
Сахарная вата.

Каждый раз всё ново -
Южные закаты.

Ночь. Море.

По лунной дорожке из темной дали

Бежит переливчатый свет.
На якоря встали уже корабли
И ждут терпеливо рассвет.
Легли живописные россыпи звезд
На бархат небесных кулис,
Ночной антураж для создания грёз
Дополнил ласкающий бриз.
Ленивый прибой отмывает с души
Остатки дневной духоты,
Прибрежную галькой негромко шуршит...

Ночь.
Море.
Луна.
И мечты...

Стихи не пишутся, слова не строятся,
На нитку нижется тоской бессонница.
Минут слезинками плетётся-вяжется,
Сменив картинками всё, что не скажется.

Картинки бледные, как клей тягучие,
И обесцвечены, и обеззвучены,
Скользят во времени по чьей-то прихоти,

Стихотворения из текста выхватив.

Тугие паузы растут и множатся,
Слова пугаются, на буквы крошатся,
В пространство падая, звенят пустотами,
Кричат с досады, притворяясь нотами.

Про то, что слышится, всё врёт бессонница –
Что не напишется, то не запомнится.

Мы строим из себя взрослых -
Важных, знающих всё на свете,
Вмиг решающих все вопросы.
А ведём себя словно дети.

Мы строим из себя умных,
Всё предвидящих и умелых.
Но совсем не желаем подумать
Прежде, чем что-то сделать.

Мы строим из себя смелых,
Готовых и на бой, и на подвиг.
Но взять и доказать слова делом
Оказываемся не готовы.

Играем. В игру свою верим.
А, может, пора признаться,
Что все мы на самом деле
Не те, кем хотим казаться?

В черно-белом мире
бесконечное множество оттенков серого,
Но все они воспринимаются как одно
постоянное и неменяющееся настроение,
Как одна назойливо звучащая нота,
Которую слышно
То громче, то тише.

Здесь ни от чего не отвлекает,
не подчёркивает никакие нюансы цвет,
Поскольку его, в общем-то, нет.
Просто что-то темней, а что-то светлей –
Как в двоичной системе:
дело только в количестве единиц и нулей
И в том, как они будут
Располагаться относительно друг друга.

Зато всё предельно просто, открыто и понятно –

Только «да» и «нет».

Никаких «не знаю», «может быть», «вероятно».

Для целенаправленного потока информации –
конкретные каналы связи.

И полное отсутствие простора

(и даже возможности) для полёта фантазии.

Однако, это довольно утомительно и тоскливо –

Жить исключительно между светом и темнотой и не знать,
что существуют краски, их оттенки, переливы;

Ходить лишь по прямой,

не делая никаких зигзагов;

Ставить только точки, избегая вопросительных
и восклицательных знаков.

В чёрно-белом мире всё просто невыносимо...
правильно...

Холодное солнце осеннее,
Ноябрьский день зябок и зыбок.
Угадываю настроение
Методом проб и ошибок.

На мокром асфальте сединками,
Озябшая ночь расписалась,
И лужи хрустящими льдинками
Навязчиво давят на жалость.

Затерянные отражения
В упрямом и непримиримом
Морозном воды недвижении
Становятся уязвимы.

И первый ледок расставания –
Прозрачный и ненадежный -
Крепчает, рождая желание
Быть жестче и осторожней.

Бабочка

Я рисую бабочку. Карандашом сначала.
Не заморачиваюсь – вид, подвид.

Точками пропорции намечаю,
Соединяю точки.
Бабочка спит.

Придумываю узор. Прочерчиваю чётче линии.
И хоть работы сделана только треть,
Бабочка расправляет крылья -
Готова лететь.

Смешиваю краски – холодные, теплые -
Экспериментирую, меняя состав.
Кисточкой закрашиваю, обвожу контур.
Красота!

Последние штрихи добавляю, с улыбкой
Усы по-гусарски ей закрутив.
И бабочка получается весьма приткой -
Она летит.

Буйство раскраски крыльев сопоставимо
С попугаями на тропических островах.
Бабочка удивительна. Бабочка игрива.
Она жива!

Как опытнейший каллиграф,
Украшив вензелями лист
Себя желаешь убедить, что лист тот чист.
Ни в чем себе не отказав,
Исполнив свой любой каприз,
Ты вроде бы бежишь наверх, но смотришь вниз.

Ступень, ступень, ещё ступень...
И вдруг теряет твердость шаг,
И, заблудившись в чувствах, мечется душа.
Опять накатывает лень,
А ты рисуешь букву «ша»,
Не осознав, что не нашёл карандаша.

За темной сеткой из штрихов
Растерянность едва видна,
И свет, мерцая, чуть не достает до дна.
Зависнув в пелене стихов,
Загадочные письма
Скрывают главное из тысяч слов – цена.

Ветер северный
режет мне когтем кошачьим лицо,
Заставляя неметь и сжиматься

в предчувствии жёстких последствий.
Я, промёрзнув насквозь, начинаю ему
подпевать в унисон,
Ощущая, как лёд образуется около сердца.

Проскользив декабрём
в злую темень полярных ночей,
Ухнув в минус морозный, зима, закаляя
из хрупкости твёрдость,
Понавесила всюду замков,
не оставив к ним даже ключей,
Не давая возможности спрятаться,
чтоб не замёрзнуть.

Ветер северный в вены искрящийся иней надул.
Кровь густеет и вязнет, теряя тепло,
становясь нетекучей.
Я замёрзла, застыла, забыла, куда я иду.
Ветер северный...
северный...
северный...
Резкий и жгучий.

Я придумаю новую жизнь.

Жизнь с нуля – фанфики не прокатят.
Упакую её в тиражи
Или фильм запущу в прокате.

В жизни будет присутствовать драма
(всё своё – строго эксклюзивно).
Героиня – с изюминкой дама,
И герой – не вполне позитивный.

Нить событий переплету,
И интриги добавить надо,
Чтоб не понял никто, где тут
Правда жизни, а где неправда.

Всё по-честному: жизнь – борьба
(никуда тут от штампов не деться).
Это срабатывает всегда:
Сносит мозг и сжимает сердце.

Заживет своей жизнью жизнь,
Автор станет ей больше не нужен.
И, держи её, не держи,
Она все равно рвется наружу.

В ней пульсирует сердце свое,
В ней азарт, задающий движенье,

То, что делает жизнью её:
Свои взлеты, удачи, крушенья.

Жизнь проходит все виражи,
Обретая твердость и силу.

Жизнь живет.

Жизнь бежит.

Жизнь кружит...

Я её уже отпустила.

На ломаных линиях улиц
Опять кто-то ходит отчаянно хмурясь
И ждёт что тот, кто остался,
Найдёт, позовёт, не даст потеряться.

Улиц углы становятся всё острее,
Задевают, ранят, отнимают время,
Замыкают дворы
И меняют правила игры.

Никто никого не зовёт, не ищет –
Тот, кто остался, сидит в жилище.
Он опытнее, он знает, что бывает

С теми, кто уходит –
Они не умеют пользоваться свободой;
Они всегда возвращаются сами,
Когда от самостоятельности своей устанут.

Они возвращаются уже другими,
Хотя откликаются на то же имя.
Они не стали теми, кем хотели стать.
Они всё помнят, но не хотят вспоминать.

Десять тысяч шагов – ежедневная норма.
Десять тысяч причин, чтобы их не пройти.
Мы без усталости ищем лазейку упорно
Между тем, что нам надо и что мы хотим.

И живём по стандартным готовым шаблонам,
Убеждая себя, что так лучше для всех.
Разделив мир на зоны, соблюдая законы,
Мы, как дети, наивнейше верим в успех.

А в итоге не там мы опять и не с теми,
И совсем разучились хоть что-то решать.
Возвращаемся к вечной волнующей теме:
Увильнуть?

Улизнуть?

Или всё ж сделать шаг?

Дура!

Не жалея.

Резко.

Оторвать. Отрезать.

Через страх. Через боль.

Всё равно ж – не любовь!

И уже не нужно...

Это лишь снаружи

Панцирь из гламура.

Потому что дура!

Надо – сердце в камень!

Надо – с матюками!

Не жалеть! Не ныть!

Плюнуть и забыть!

Глупая надежда

Рядится, как прежде,

В панцирь из гламура...

Вот ведь дура.

Дура!

Жизнь ёжиком свернулась, выставив колючки -
Не трогать! Не цеплять! Не кантовать!

На всякий случай.

Что ж, может быть, так лучше.

Подумаю над смыслом слова «дать»

Я на досуге.

Взгляд сосредоточив в круге

И нехотя следя за тишиной,

Я нахожу двойной... тройной

Виток.

И воздуха холодного глоток

Мне наполняет лёгкие простором,

А в голове неслышным разговором

Шуршат другие ёжики, умножив

Количество иголок.

Вечер колок.

По кругу медленно идёт, не отстаёт

И не даёт

Понять, принять, осмыслить -

Осмыслить чисто -

Путаюсь я в числах.

А жизнь, как ёжик – колет,

Но безвольно.

И с опасеньем всё чего-то ждет.

Растекается время в циферблате часов,
Окольцованы стрелки – деться им некуда.
На губах замок, на дверях – засов,
И спасать себя уже некогда.

Цифры падают, путаются, молчат.
И цепляют стрелки, что двигаются внутри.
Где закончить круг? Где его начать?
Не спеши. Повтори. Замри.

Час, день, вечность – каков итог?
Механизм отслужил, устарел, устал.
И не знает, кто и на что готов
Потратить свой временной интервал.

Закат, неспешно угасая,
Оставил блики на воде.
Деревьев ласково касаясь,
Свои владенья оглядел.

Подправил тени над домами,
Добавил небу глубины,
И чуть заметными штрихами
Закрасил блеск речной волны.

Невдалеке увидел лодку
И прежде, чем совсем уснуть,
Вновь разгорелся ненадолго
Ей к дому освещающая путь.

Придет пора –
По вечерам,
Построив храм
Из личных драм,
Сидеть мы будем по домам,
Напившись в хлам.

И до утра
Искать слова,
Качать права -
Жизнь такова.
Опять больная голова
Трещит по швам.

Куда уйти?
Где есть пути?
Обид в горсти
Не унести.
И как финальное «прости»
Произнести?

Всему есть срок.
Среди дорог

Даёшь зарок
И копишь впрок.
Идёшь очередной урок
Искать в сети.

То здесь, то там
На сердце шрам,
А по углам
Рассыпан хлам.
И горечь отдаёшь ветрам,
Прося тепла.

То там, то тут
Тебя не ждут,
Чужой уют
Не продают.
Надуть стремятся и суют
Воз барахла.

Придет пора –
Ты станешь прав,
В кулак собрав
Свой гордый нрав
И жизнь свою переиграв,
И все узнав.

Среди чужих
В потоках лжи,
Своей души
Не обнажив,
Живи. Учись. И положи
Туза в рукав.

По коридорам ходит тишина.
Всегда одна.
То в дверь заглянет и незрячим взглядом
Всё обведёт,
То рядом
Неслышно постоит и отойдёт.
То встанет у окна, а из окна
Невдалеке, чуть выше, церковь городская
Отчётливо видна.
Легко ступая,
Пройдётся тишина туда-сюда
По длинному лучу от фонаря, который лёг нахально и
мечтает,
Наверное, что с ним поговорят.
Но тишина молчит – она немая.
Лишь обнимает
Так, чтоб не нарушить сна,

И заполняет всё пространство, и не дышит.
Прислушивается и очень чётко слышит,
Что здесь она одна.
Всегда одна
По коридорам ходит тишина.

Днём от звуков устав,
Сдунув ноты с листа,
Ночь туманом тяжёлым ложится.
Город тёмный, как склеп,
И затих, и ослеп,
Стылым воздухом шарит по лицам.

Город глух, город нем,
Он при выборе тем
Предпочёл тёмно-синий и чёрный.
Лишь сверкают в ночи
Нити звёздной парчи,
Нарушая порядок минорный.

Раздражают и злят
Окна, пряча свой взгляд,
Одиноких усталых прохожих.
Я живу на краю

В своём личном раю.
Я нисколько на всех не похожа.

И ни цвет, и ни звук,
Возникая вокруг,
Не мешают спокойствию рая.
В своём личном мире
Ото всех вдалеке
На свободу я время меняю.

Чёрных стрелок усы
Покидают часы,
Растворяются в уличном фоне.
И беззвучно дыша,
Ускоряют свой шаг,
Притаившись в чужом телефоне.

Город слаб, город сед.
Как болезненный след
От ушедшей в безвременье ночи
Сер и мутен рассвет,
Обрамлённый в багет
Изменяющих суть многоточий.

В тихом личном раю
Я пишу и пою,

И рисую, играя цветами.
Здесь ничто не гнетёт,
Здесь есть шансы на взлёт
И здесь город меня не достанет.

Да, у меня есть крылья, но я их скрываю -
Я не хочу, чтобы об этом знал кто-то,
Не хочу, чтобы видели, как я летаю,
И считали меня уродом.

С высоты мир не такой, как снизу –
Он спокойней и тише. И понятней.
И весь этот нервный, издёрганый урбанизм
Превращается в мягкие световые пятна.

Иногда я просто сижу на крыше –
Отсюда видно людей, но они, как точки.
И эти точки постоянно и хаотично движутся,
Меняют общий рисунок, свои формы и оболочки.

Наверху мне больше нравится, конечно,
Но я не могу постоянно там находиться.
Я спускаюсь, прячу крылья под одеждой –
Я человек. Я не птица.

Я хожу по улицам, встречаюсь с друзьями,
Интернет, телефон – я не отличаюсь от других.
Но гляжу людям в лица и думаю постоянно:
А может крылья есть и у них?

Фотопрогулка

Все тропинки в лесу припорошены белым,
И деревья – как будто посыпаны солью.
Разлетаются птицы под фотоприцелом
Из кормушек, спешно бросают застолье.

Лес туманен и холоден, воздух настужен,
Но брусничника зелень отважно и дерзко,
Не смутясь пред моим мощным фотооружьем,
Прям, с профессиональным позирует блеском.

Любопытные белочки по-панибратски
Разве только, что не проверяют карманы.
Но, похоже, вот вспышки слегка все ж боятся -
Фотосессия явно не входит в их планы.

В завершение парковой фотоохоты -
Ещё снимок релакса ноябрьского леса,
И гудка тепловозного грустные ноты

За холодной молочно-туманной завесой.

Зима, зима, опять зима...

Декабрь-аскет из всей палитры две краски выбрал и, застыв,

Мешает чёрный цвет и белый в оттенки цвета темноты.

Он аутист, он любит ночь.

Его картины монотонны, пейзажи сонны и мрачны.

Так хочется добавить солнца в обитель вечную луны.

Бывает, заскучав, мороз

Немного ярких красок брызнет в чернильно-чёрный неба холст.

Переливаясь, растекутся они среди замёрзших звёзд

И замерцают в вышине,

Даря декабрьским полотнам таинственный волшебный свет...

Но звуки вздохов восхищённых заглушит напрочь снежный плед.

Такая долгая зима...

В транс погружает плавность линий сугробов белых, холод, тьма...

И в душах оседает иней, когда кончается зима.

БЫТЬ МОЛОДЫМ

Быть молодым – любить, мечтать, творить!

Ловить в распахнутое сердце ветер.

И тихой пристани огни едва заметив,

Беспечно и бездумно прочь уплыть.

Сквозь штормы, не жалея паруса,

К тому, что не изведано, стремиться.

Когда всё рушится, только себе молиться

В уверенности: господь Бог – ты сам!

Быть молодым – тонуть в пучине чувств,

Захлёбываясь от избытка счастья.

Всё целиком брать, не деля на части.

Здесь и сейчас! А не когда-нибудь.

Вдыхать свободу с дымом сигарет,

Всю ночь гулять и засыпать с рассветом,

Значенье придавать шнуркам на кедах

И наплевать на светский этикет.

Быть молодым – за горизонт смотреть.

На яркий свет, разлившийся по небу,

И твёрдо знать, что там, где ещё не был

Не побывав, не сможешь умереть.

Везде, куда тебя ни занесёт,
Мир под себя прогнуть и приспособить –
Не важно, чего это будет стоить.
Пока ты молодой, ты можешь всё!

Ускользящий смысл финальных фраз
Заставляет искать подоплёку в тексте –
Понимаешь, нельзя быть каждый раз
В нужное время в нужном месте.

Утешаешься, взяв тайм-аут, и
Разрываешься между хочу и надо,
Уже где-то на середине пути
Сознаёшь – дьявол носит Прада.

В отражении грёз нечёток путь,
Обтекающий буквы, слова и точки,
Спотыкаешься и пытаешься заглянуть
Туда, где заканчиваются строчки.

На поверхности слов оседает пыль,
Замедляя всё больше работу мысли.
Неожиданно обнаруживаешь вкус и стиль
В постоянно исчезающем смысле.

И неважно – что, и неважно – как,
Потому что главное, чтоб оно просто было...

В этом месте, пожалуй, должен быть знак.

Его надо найти пока пыль не скрыла.

Шоколадка тает во рту –
Сладкий вкус с лёгкой горчинкой.
Не хочу подводить черту
И доискиваться причины.

Я не буду себя жалеть
И опять искать виноватых,
Пусть иметь или не иметь
И не я решила когда-то.

Шоколадки ещё кусочек...
В телефоне листаю вкладки...
Бунт в душе уже обесточен
И не требует подзарядки.

Было... Стало... Из-за чего-то... -

Где-то горько, а где-то – сладко -
СМСки, смайлики, фото...

Или всё-таки шоколадка?

Где ты там живёшь?
Как ты там живёшь?
Мы не виделись целую вечность.
День на год похож,
Мир на сон похож,
Открывающий бесконечность.

Отпустить себя
И впустить в себя
Одиночества аутентичность,
Растворившись здесь,
Растерявши весь
Временной запас и наличность?

Ты вот там живёшь
И не ставишь в грош
Прочность нити, что нас связала.
Я как на цепи –
Не могу уйти,

Не могу начать всё сначала.

Где-то за чертой -
Видимой чертой,
Завершается бесконечность.
Ты пока постой,
Просто там постой.
Мы ж не виделись целую вечность.

Задувает в ночи ветер пламя свечи,
И кричи не кричи – не услышат.

В мире встреч и разлук всё случается вдруг –
Вдруг теряется друг, ставши бывшим.

Вроде всё решено уже было давно,
Но в том старом кино много фальши.

Кто и в чём виноват, выбирай наугад.
И решай уже сам, как жить дальше.

Капает из крана вода,

Повторяя пульса толчки.
Протекая, жизни года
Взводят спусковые крючки.

Кто устал, кто недосмотрел,
Переходы на новый этап
Прозевал, тот попал под обстрел:
Кап – прицел – кап – прицел – кап!

Возникают бреши в рядах,
Нестерпимо ломит висок,
Растекается страх, как вода:
Здесь петля или новый виток?

Месяц, день, год или года -
Кто кому начисляет срок?
И кто знает, где и когда
Бог опять нажмёт на курок.

Давай с тобой мы просто помолчим –
А, впрочем, что ещё нам остаётся –
Ведь огонёк погаснувшей свечи
Не разожжет полуденное солнце.

Надежда ещё теплится в груди,
Чуть разгораясь, но совсем не греет,
И плотное молчанье впереди
Вновь равнодушно закрывает двери.

И мы молчим, и все молчат кругом,
Нам не согреться и не разгореться.
Быть может в измерении другом
Уставшее быстрее забьётся сердце.

Здесь пусть оно тихонечко стучит,
Подёрнувшись ледком, зато без сбоев.
А мы с тобою просто помолчим –
Так будет хорошо для нас обоих.

Встречая утра тишину
На ярко-розовом рассвете,
Там, где гуляет синий ветер,
Я чёрной краской полосну.

Перечеркну небес пастель
Пронзительным и резким криком,
Который после станет стыком
Из жизни вырванных недель.

На вымокшем листе разлук
Вдруг проступает так некстати
Портрет в 4D формате,
Где цвет перетекает в звук.

Из тех недель живой портрет,
Когда в душе цвели улыбки...
А ощущение ошибки -
Его и не было и нет!

Есть сожаленье, есть печаль,
Удар захлопнувшейся двери.
И осознание потери
Безвкусно, как остывший чай.

Черта уже подведена.
Проведена!

Всё в общем – в цвете.

Вот только часто на рассвете
На душу давит тишина.

Мисс Осень

У неё глаза цвета поздней осени,
Цвета пожухлой листвы на замёрзшем асфальте.
Она запрокидывает за ухо непослушный локон с проседью
И снисходительно произносит: Ах, оставьте...

Она любит долгие прогулки по вечерам
И частенько сидит в кафе около отеля:
Неторопливо и меланхолично просматривая "Телеграм",
Лениво потягивает «Ркацетели».

Она вроде и не хочет привлекать внимание,
Но интригует своей отрешённостью и удивляет нарядами:
Мужчины смотрят и прикидывают «шансы на выживание»,
Женщины обмениваются ревнивыми взглядами.

В ушах и на декольте водопадами бирюза –
Поблескивает матово, как будто бы осторожно.
И понятно, в общем-то, что ей уже прилично «за»,
Но за сколько – определить невозможно.

Она рассеянно слушает, как в многоголосном хоре
Шумно и пронзительно верещат цикады,
Как, играя галькой, гортанно-бархатно рокошет море
И напевает под нос себе серенады.

Взгляд её волнующее волшебство хранит
Отпечатавшихся в матрице зрачков городов и стран.

И это только цвета её глаза поздней осени,
А бушует в них как минимум океан.

На тёмных перронах заброшенных станций
Так страшно остаться...

Шурша облетевшею бурой листвою,
Разрушить холодную мрачность покоя,
Таящего – целят в какие пределы
Тут рельсов заросшие ржавые стрелы.

Потерян безлюдный перрон и печален –
Никто не встречает,
Увы, никого здесь и не провожает.
И лужи замерзшие не отражают
Ни блеск фонарей, ни подсветку вокзала –
Застыло всё, замерло и замолчало...

Но всё же, бывает, на эти перроны
Приходят вагоны.
Привозят испуганные чьи-то души
И оставляют одних равнодушно.

И мечутся души и страшно бояться
Остаться...
Остаться...
Остаться...

Вчера метель в ночи играла джаз
С энтузиазмом и апломбом юным,
Вращая ветра шумный контрабас,
Самозабвенно рвала снега струны.

На белых клавишах скамеек взяв
Не вписанные в ноты блок-аккорды,
Взметнулась и, ритмичность поменяв,
Посвинговала, перейдя на форте.

И демонстрируя неповторимый стиль,
Сыграла соло в проводов гирляндах,
С крыш выдувая снеговую пыль
Пронзительным тромбоновым глассандо.

Всю ночь вихрь диксиленда бушевал:
Импровизации вились предельно смело.
Метель, задав джем-сейшена накал,
Не утихая пела, пела, пела...

Что прячется, что кроется
И что ещё откроется
В глубинах неизведанных под наслоением лет...
Печальное и жгучее?
Живое и могучее?
Или близко скучное появится на свет?

Проклунется, оглянется
И медленно потянется,
Прозрачным легким маревом затягивая свет.
Освоится, устроится,
Вздохнёт и успокоится –
Когда вопросов нет, тогда зачем искать ответ.

Не жжёт и не печалится,
Безмолвно растворяется,
Оставив в тёплом воздухе слегка дрожащий след.
Но постоянно кажется,
Что вновь ещё покажется
И всё-таки отважится стряхнуть давление лет.

В чертогах сна
Свет голубой,
Висит луна
Над головой.
Сплю или нет
Я не пойму –
Куда-то свет
Запрятал тьму.

В чертогах сна
Живут мечты,
Ночь звёзд полна,
Нет суеты.
Беру мольберт,
Цепляю лист,
И звёздный свет
Рисует кисть.

В чертогах сна
Бездонна даль,
И глубина
Таит печаль.
Я в сотый раз
Себя ловлю –
Ну, вот сейчас
Я точно сплю...

Что шепчет ветер? Из каких пределов
Он прилетел и рассказать нам хочет,
Что у него серьёзнейшее дело,
И что оно не терпит проволочек?

Он, жалуюсь, тихонько подвывает,
Как потерявшийся случайно пёс домашний.
Пыль поднимает и листву гоняет,
Ища с усердием прошедший день вчерашний.

Он мечется, на стены налетает,
Кружит по улицам и нервно гнет деревья,
Тоскующий напев перемежая
С лихими посвистами шумного веселья.

Бродяга-ветер будоражит души,
Зовёт с собой в неведомые дали...
И надо бы внимательно послушать,
Что шепчет он.

Да только мы устали...

Луна разбилась, и
Осколки стёклами
На стены брызнули,
Застыв подтёками.

Стена картонная
Шуршит насмешками,
Обиды тоннами
Внутри навешаны.

У доброты хребты
Трещат-ломаются –
Никто не видит и
Никто не кается.

Кусают крысами
Осколки острые,
Но зубы стиснули –
Мы люди взрослые.

Окно открыто и
Стена побелена.
Луна разбитая
Неровно клеена.

Цвет осени

Цвет – это музыка, а жёлтый – нота си.
Вливаясь флейтою в осенний блюз печальный,
Играет на ветру листва осин
Забытые мелодии прощанья.

Прощанья с летом, где сплошные ля,
Весёлой радугой звенящие и счастьем
Трепещущие в крылышках шмеля,
Дождями серыми начнёт смывать ненастье.

Зелёный станет красным – фа-ре-до –
Всё то, что было до того, как станет,
Когда приняв морозный валидол,
Природа потемнеет и увянет.

Цвет поздней осени – цвет бурый. Это ми -
Стон облетевших и замёрзших листьев
Под бэки ломкой зимней белизны –
Холодный и вибрирующе низкий.

Цвет выпавшего снега – это соль:
Солоноват, но мягкий, как из фетра.
С тягучей подвывающей ленцой
Застуженного северного ветра.

Цвет – это музыка. А осень – это вальс.
С щемящей грустью в вихре позолоты.
Блистательный погодный декаданс,
Смешавший на своей палитре ноты.

Ты пожелай мне доброго пути,
Когда я уйду куда не знаю.
Не сожалея и не провожая,
Мне просто и спокойно дай уйти.

Мне надо бы побыть наедине
С собой. Увидеть и услышать,
Почувствовать, понять то, что во вне,
И почему я в этом мире лишний,
И как живут, когда в душе покой.

Мне это надо! Мне необходимо!
Чтоб научиться снова быть ранимым
И думать сердцем, а не головой.

Когда вернусь – а я к тебе вернусь –
Всё будет по-другому, ты поверь мне.
И пусть в глазах таящуюся грусть

Сотрёт уверенной ладонью время.

Ну, а сейчас мне всё ж пора идти.
Мне это надо, надо, надо, надо!
Без слёз, без сожалений, без оглядок.

Ты пожелай мне доброго пути.

Оглянись и вернись.
Мы как будто бы падаем вниз,
Оставаясь на месте и снова мечтая о встрече.

Свет сужает зрачок,
Резкий температуры скачок
Мозг разламывает, выпуская бессвязные речи.

На осколки душа.
За душой, как всегда, ни гроша,
И занять свои мысли и чувства становится нечем.

Заболев, и не раз
Пострадав от бесплатных лекарств,
Спать ложишься и лишь непрерывно считаешь овечек.

По дороге назад
Все мы вре́м за глаза и в глаза.
Не становимся ни терпеливее, ни человечней.

Прекратить, отпустить,
Прощаться, уйти и забыть.
Время – врач. Пусть паршиво и долго, но лечит.

Полярный день

День полярный – вечная бессонница.
Поплотней блэк-аут на окно.
Забывает в мае ночь-склерозница -
Как приходит, стать должно темно.

Солнце-фокусник нарочно время путает,
Спрятав в рукаве закат-восход.
Ловко подменив часы минутами,
Из цилиндра утро достаёт.

Света вирус подхватив на улицах,
Молодёжь, забив на всё и вся,
В местных парках день и ночь тусуется,
Всплески гормональные гася.

В голове летают одуванчики,

Мозг легко укутывая в пух.
Вмиг оромантичневшие мальчики
Девочкам стихи читают вслух.

И свалившись с социальной лестницы,
Сбросив груз прошедших лет и дней,
Чувствую себя я им ровесницей –
Юной майской травки зеленой))

Солнце на посту, день не кончается.
Май. И впереди ещё июнь.
Мягко одуванчики качаются
И лукаво просят: Дунь!
Ну, дунь!

В который раз повсюду опоздал –
Привычно закрутился и забыл.
И, опустев, расстроенный вокзал
Очередной твой поезд отпустил.

Вагоны, вздрогнув, тихо поползли,
Неторопливо набирая ход.
И вот уже растаяли вдали –
Вдали от нескончаемых забот,

От напряжённой нудной суеты,
От тех, кого подвёл и обманул...

Всё по-другому б стать могло, но ты
Расстаться с этим так и не рискнул.

Санкт-Петербург – Оленегорск

... и даже облака плывут на север...

И радио уже не ловит Питер.

Чем ближе к Мурманску, тем леденее ветер,

А в сумке наготове тёплый свитер.

К закату время – солнце сентябристо,

Не торопясь плывёт по горизонту.

Закатный отсвет впитывают листья,

Осенней наливаясь позолотой.

И с каждой полусотней километров

Пейзаж всё проседает и желтеет.

Местами – ясно, а местами – щедро

Дождь мелкий по асфальту сырость сеет.

Ночь, и ещё температура ниже.

На радио всего одна волна осталась.

Машин всё меньше, ну а дом всё ближе –

Темно, и ощущается усталость.

В сон клонит, но, увы, никак не спится:
От длинной утомительной дороги
И от сиденья ломит поясницу,
Болят спина и затекают ноги.

От фар асфальт как будто из металла.
Луны свет снисходительно рассеян.
И ехать нам совсем чуть-чуть осталось.
А облака так и плывут на север...

Вчера была весна, сейчас – зима
В какой момент порвалось время на кусочки?
Ищу себя я в этих странных снах,
Из многоточий выковыривая точки.

В просвете дня, уже мелькает ночь,
В момент скукоживая вечность до мгновенья,
Меня выкидывая из реалий прочь
И не давая шанс на возвращенье.

То жар, то холод. Переплетены
И перепутаны внутри меня все чувства.

Шагаю – от стены и до стены
Нет ничего: здесь безнадежно пусто.

В тени закрытых глаз застыл вопрос:
Что время – оно вправду ли всеильно?
И почему идёт наперекос
Всё, делая опять меня пассивной?

И вновь границы сносит новый год
Между вчера и завтра.
И уходит.
Жду – что теперь ещё произойдёт.

Пока что ничего не происходит...

Путались, запутались
И перевернули лист:
Новая тетрадка –
Бело, пусто, гладко.
То, что было, – в прошлом.
А теперь что?

Думались-задумались,
Но остался чистым лист:

Старое не помнится,
Новое не строится.
И течёт жизнь мимо
Непреодолимо.

Высохли чернила все,
Нет ни строчки на листе.
Лучше бы мы путались –
Буковки бы пусть вились...
Но зато сегодня
Было бы, что вспомнить.

А может....

Спит под тяжёлыми бинтами
Ненужных слов и обещаний,
Устав, душа.
И не болит, не кровоточит,
А просто ничего не хочет
решать.

В тягучей вялой летаргии
Одни сменяются другими
Наборы дней –
Ползут с настойчивостью вязкой,
Накладывая слой повязки

Плотней.

Отчаянно, как от удушья,
Мозг ловит кислород, натужно
Слова жуя.
Слова юлят и смысл меняют
И только больше добавляют
Вранья.

Бинты фраз серы и помяты –
Намеренно скрывают даты
В календарях.
Но, выполняя роль подушки,
Спасают от ударов душу.

А зря.

Уж лучше б, рвётся что, порвалось,
Чем вот так вот «висеть» осталось –
Напоминать
Нам о товарищах ненужных.

Может, таких друзей-подружек
Послать?
Всё загасить, что еле тлело,
Мудрей, решительнее, в целом,

Стать и смелей?

Зарывшись под бинты поглубже,
Душа бурчит: – Нет. Будет хуже.
Забей.

На злых сквозняках петербургских ветров,
Где даже не скажет никто «Будь здоров!»,
В чернильницу темных бездонных миров
Макаю перо.

На тонкой бумаге утерянных лет
Перо оставляет затейливый след,
Который меняет со временем цвет
И сходит на нет.

Казалось бы, что ещё в этой тиши?
Сиди себе мирно. Читай и пиши.
Но в недрах распахнутой настезь души
Тревожно шуршит.

Гуляют ветра или кошки скребут?
А, может быть, мозг воздвигает редут
Из тех осязаемо влажных минут,

Что мимо плывут?

Срывается капля с пера на листок,
Рисуя причудливой кляксы цветок
И смысл изменяя написанных строк.
Намёк?

И спать не дают сквозняки, сквозняки -
Уносят, приносят обрывки тоски.
В эскизе ночей подправляя штрихи,
Диктуют стихи.

В переплетенье рельс и шпал
Свидетель встреч и расставаний
Играет в поезда вокзал:
Один пустив, другой на дальний
Поставив путь и задержав.
И суетятся пассажиры,
Билеты в кулаках зажав.

В переплетенье рельс и шпал
Стучат колёсами вагоны,
Покинуть торопясь вокзал.
Одолевая перегоны,

Ворчит трудяга-тепловоз.
И мирно дремлют пассажиры
Под мерный перестук колёс.

Переплетенье рельс и шпал
Рождает тысячи историй
И без концов, и без начал,
Замысловатость траекторий
Которых круче кинодрам.
Их с привокзальных территорий
Мчат поезда по городам.

В переплетенье рельс и шпал,
В мельканье за окошком станций,
Стремясь туда, где не бывал,
Подспудно ищешь, где б остаться –
На время или навсегда.
Где можно быть не постояльцем
И позабыть про поезда.

Сказ о граде Оленьем

Негде в северном селеньи,
В том, что с именем оленьим,
Дни неспешные бегут.
Здесь живёт рабочий люд.

Ни истории былинной,
Ни обычаев старинных
Не имеет тихий град –
Он оленями богат,
Да за счёт руды железной
Пробивается болезный.

В разных уголках селенья
Обитают здесь олени,
Украшают город сей,
Радуют сердца людей.

Три олешка на вокзале
Дом себе облюбовали.
Есть один, согласно теме,
И на городской эмблеме.
Два, с лопаркою, – с торца
У Ледового дворца,
Ещё пара оленят
Там украсила фасад.
Ну, а главный – испокон
Старый сторожит район.

И живут олешки ладно,
И кормёжки им не надо,

Так чего и удивляться –
Дружно как они плодятся.
А руды запас, все знают,
Истощается и тает.

Но вот в городе оленьем,
Убывает население –
За последние пять лет
Тысяч пять уж не как нет.
Климат плох и нет работы –
Ищет люд получше сто-то.
Перспективы нету тож –
Уезжает молодёжь.
И руда град не спасает –
Не на всех её хватает.

Всё про горести людские
Знают власти городские
И стараются, ей-ей,
Приукрасить жизнь людей.
Пишутся распоряженья –
Больше точек притяженья!
В городе места создать,
Чтоб народ там мог гулять,
Собираться мог на праздник
Или для занятий разных!

Станет счастлив и богат,
Расцветёт олений град:
Молодёжные пространства,
В скверах новые убранства,
В праздник – звёзды из столицы,
Чтоб достойно веселиться.
А чтоб гости наезжали,
Будут в граде фестивали!

Ох, и заживёт народ –
Каждый день, как Новый год!
А уехавшие лица
Станут враз назад проситься.
Будут строиться дома,
Деток народится тьма!
Молодёжь же в новом граде
Приживётся и осядет.
Ну, ещё и оленяток
Пусть прибавится с десятков,
Да железная руда
Не иссякнет никогда!

Вот и мы там будем жить,
Мёд и пиво будем пить.
По усам пускай течёт –

Может, попадёт и в рот.

Давай попьём с тобою чая,
Приостановим жизни ход -
Ведь мы всё чаще замечаем,
Что нас уже никто не ждёт.

Друзья скрываются в тумане
Ушедших лет, теряясь в нём.
И мы, боясь себя поранить,
Не ищем их и не зовём.

Внутри себя возводим стены,
Их превращая в лабиринт.
Порой не знаем сами, где мы,
Поскольку доступ к нам закрыт.

С опаской, в смотровые щели
Глаз изучаем мир во вне
И радуемся, что успели
Укрыться в этой западне.

Не помним имена и лица:
Ведь время – тот ещё шутник –

Нещадно вырвало страницы
Из самых интересных книг.

Апатию свою лелея,
И не пытаемся понять,

Что, в сущности, вполне умеем
Не разрушать, а создавать.

Да, вкус у чая странноватый...
Меланхолический настрой
Свои привносит ароматы
И явственно горчит порой.

Но всё ж, давай попьём мы чая.
И по душам поговорим,
Себя в былое возвращая...

Давай вот,
сахарок бери...

Улыбнуло

К стихам, которые собраны в этот раздел, не надо относиться слишком серьёзно, их стоит воспринимать с некоторой долей юмора. А отдельные, может быть даже, и с легкой иронией.

Утро доброе))

Солнце в окошко.

На окне умывается кошка.

Звук будильника.

– Быстро вставай-ка! Пора завтракать!

Ну же, хозяйка! –

И легонько скребёт коготком, -

Поднимайся скорее, пойдем.

Ей, принцессе, конечно же, первой
Открываю кошачьи консервы.
А потом уж себя дорогую
Ароматным чайком побалую.

Что называется, стихи))

На тонком кончике пера
Вишу, случайно зацепившись.
Кто ж знал, что это не игра
И что, однажды закрутившись,
Затянет слов водоворот
В тугие сети рифмоплётства
И постепенно увлечёт
Процессом стихопроизводства.

Слова-кирпичики, слова-
Вагончики, слова- картины,
То сказочные острова
Они, то липкость паутины.

Пером вожу – пишу, пишу,
Усердно опусы кропаю,
Хореи ямбами крушу,
Сбиваю ритм, строку ломаю...

Однако, стоит перечесть
Потом написанное мною,
Я начинаю думать – есть,
Похоже, что-то в нём такое,
Что проникает прямо в сердце,
И, избавляя от тоски,
Звучит в душе весёлым скерцо
И называется – стихи))

Как часто много хочется сказать,
И не хватает слов.
Их ищешь, ловишь,
Перебираешь, выбираешь, строишь,
Пытаешься друг с другом увязать.

А мысль теряется,
И образ пропадает.
Стих ненаписанный бесследно исчезает...

Слова, слова,
Ну как вас удержать...

Может быть когда-нибудь,
возможно, даже очень скоро
Я вдруг резко поумнею
и стану предсказуемой и правильной,
Я не буду вести пустые разговоры,
Буду делать только то, что надо
и неукоснительно следовать правилам.

Буду спокойной, как удав. Перестану суетиться.
Займусь медитациями
Или
Лучше напишу книгу.
Это даст мне серьёзный повод
собой гордиться.

Только вот что на всё это меня подвигнет?

Что может заставить меня
так кардинально измениться?
Оставить прежние привычки
и обрести другие интересы?
Счастье?
Возраст?
Друзья?
Полиция?

Напряжённая обстановка в мире?
Или появившийся нимб поэтессы?

Быть умной и правильной –
наверное, это очень здорово.
Ты всех любишь, входишь в их положение,
прощаешь...
Они, правда,
не отвечают тебе такой же любовью,
Но какая разница,
когда ты самодостаточна и всё понимаешь.

Ну, это потом...

Пока ещё можно
позволить себе расслабиться,
Думать о чём придётся,
а не искать идеально прямой жизненный путь.
Поэтому буду продолжать
считать себя писаной красавицей,
А поумнею...
Когда-нибудь))

Крайний:))

Ветер гонит тучи по небу.

Они дуются, обижаются,
И темнеют они от гнева,
А потом дождем проливаются.

Серый дождь – это тучьи слёзы.
Грусть и хмарь никому не нравятся.
Людам вытерпеть их непросто -
Двери в души их закрываются.

Грустные сидят дома люди,
Думая, что одни лишь на свете,
Что никто их больше не любит...

А во всём виноват только ветер...

Свирепствует коронавирус.
На улице весна, апрель.
Весь день сижу одна в квартире:
Зарядка – книги – комп – постель.

От страха пред бациллой грозной
Вновь не уснуть... иду к окну.
Смотрю на небо – в небе звёзды
Ведут гламурную войну.

Вон та, что справа – королева.
И блеском, и величиной.
А эта скромненькая слева
Берёт харизмой неземной.
Чуть дальше – юная кокетка.
То затаится, то мигнет.
Её веселая соседка
Лучисто и тепло цветёт.
Таинственная незнакомка
Мерцает томно в темноте.
И, словно проткнуты иголкой,
Тревожно светят две вон те...

Определенная есть прелесть
В коронавирусном плену...

Ну, что ж...

На звезды насмотрелась,
Пойду повою на луну.

Первомай 2020

Погода вполне соответствует Первомаю –
Небо радуется прозрачной голубизной,

Солнце не особо греет, но прилежно сияет.
Только воздух совсем не пахнет весной.

Ни ручьёв, ни капелей – застывшие сосульки,
Снега плотный, лишь немного осевший, слой.
Из-за коронавируса запрещены прогулки -
На улице никого, хоть и выходной.

Город не украшен –
ни флагов, ни транспарантов.
Вместо песен – призыв сидеть по домам
Из динамиков на площади.
Всё это так странно –
Ни весны, ни праздника... ни хрена!

Конституция – голосование.
Понимание. Непонимание.
Разъяснения. Аннотации.
Обсуждения. Споры.
Фрустрация.

Вникнуть в суть – почему это важно:
Медицина доступная каждому.
Труд. Защита. Семейные ценности.

Территориальная целостность.
Патриоты-чиновники. Пенсия.
И за братьев за меньших ответственность.
Волонтеры. Культура. Природа.

Всё для блага. Всё для народа.

Улучшение? Ухудшение?
Да ли? Нет? Принимаем решение.
Опасение: Путин. Всевластие.

Результат предсказуем – согласие))

В ожидании Весны

Гуляет ветер по дворам позёмкой,
Февраль пост сдал – пора и отдохнуть.
Он у дверей стоит уже с котомкой -
И лишь подзадержался на чуть-чуть.

Бедовый март, совсем обескуражен
Отсутствием Весны, не знает, что ж
И делать: быт Зимы налажен -
С своим ведь самоваром не придёшь.

Днём с солнышком заигрывает робко,

А по ночам партнёр его – мороз.
Зима всё сыплет снег без остановки -
Март молча терпит, пряча красный нос.

Апрель-хитрец, куда смелее братца,
Сосульками обвесил все дворы.
Звенит, шумит – он не привык стесняться,
Меняет постоянно стиль игры:

Каплями стучит, ручьями льётся,
А то снежком не против зарядить -
Апрель как уж на сковородке вьётся,
Стремясь обеим сёстрам угодить.

Зима б ушла давно,
да вот в чём сложность -
Весна всё место не найдёт в году:
В окошко глянет и опять, поёжась,
Нет, холодно – решает. – Не пойду.
Пускай наряд Зимы уж всем наскучил -
Не время серебро нести в ломбард.
И как хотят пусть у неё в подручных
Выкручиваются с апрелем март.

И к маю лишь капризное создание
Соизволяет Зиму отпустить:

Чем дольше ждут, ведь встреча тем желанней -
Готовы будут и её простить.

Она – Весна! Пора, когда сердечных
Амуры враз запас изводят стрел.
И быть ей восхитительно-беспечной
И вечно молодой сам Бог велел))

Лишь намечается едва
У жизни новая глава,
Как по листу текут слова, сливаясь в строчки,
Клубами выпускает пар
Вовсю кипящий самовар,
И выдаёт свой щедрый дар бог многоточий.

Безудержно текущих строк
Не прерывается поток.
Черпаю воду решетом и жду успеха.
Услышав на горе свисток,
За раком мчусь я со всех ног,
Как грек, не думая пихаю руку в реку.

Да, жизнь – борьба! Да, жизнь – игра!
Назавтра в поисках вчера

По-новому делю текст на абзацы:
Ведь главное – идти вперёд
(Поскольку нас труба зовёт),
Ну, а в детали пока можно не вдаваться.

Воспоминание из студенческой юности

Ах, юность бесшабашная: пьянящий воздух юга,
Мы в куртках стройотрядовских, в кармане ни рубля:
Потрачены на прелести свободного досуга
Доходы от студенческой работы на полях.

Цветущая Молдавия – в лучах горячих солнечных -
Свой урожай доверила студентам собирать
С полей и виноградников времён доперестроечных:
Ведь юным поколениям не время отдыхать!

И мы, студенты той ещё – позднесоветской версии,
Приехавшие с Севера, узнали здесь впервой,
Как беспредельно сочны и вкусны бывают персики
И сколько можно съесть за раз черешни дармовой.

Работали по-взрослому – шесть целых дней в неделю мы
На процветанье сельского хозяйства. И тогда
Привычку непременно все и овощи,
и фрукты мыть приобрели железную на долгие года.

И до сих пор, любуясь краснобокими томатами,
Прекрасную Молдову тут же вспоминаю я,
Где овощи, украшенные голубыми пятнами
От купороса медного, мы рвали на полях.

А в выходной заслуженный махнуть до Кишинёва мы
Решили и поехали – развлечься, погулять.
Программу-супер выполнили, потусили клёво мы
И деньги все спустили до последнего рубля.

Мороженое, лимонад, жевачки и наклейки,
Бейсболка с длинным козырьком (в те годы – экстрахит!)
Мы, в общем-то, сознательно остались без копейки,
Беспечно веря – сложится всё так, как надлежит!

От Кишинёва до Бендер семьдесят километров.
Добраться можно поездом, приобретя билет.
Увы, себе мы не могли позволить эту мелочь –
Купить дорожный документ – поскольку денег нет.

Нет денег, есть везение! И вера есть в удачу.
И есть язык, готовый нас до Киева вести,
В вагонах есть проводники – всё вместе это значит,
Что в общем непременно, но должно нам повезти.

И проводник стговорчивый, конечно же, нашёлся.
Мы терпеливо в тамбуре качались два часа,
Потом пешком до лагеря по лесу минут сорок
(вот это экстремально – бродить ночью по лесам).

На юге ночи тёмные и звёзды небосклонные
Невероятно низко висят над головой.
А в эту ночь луна была огромная и полная,
И все окрестности залил её свет голубой.

Ни до, ни после – никогда, не довелось увидеть мне
Такую неземную ночь: светло было, как днём,
Среди деревьев неподвижных – тени тёмно-синие.
Мир нереально мягко плыл в неоне голубом.

Ах, юность бесшабашная, где жажда приключений
И вера бесконечная в хорошее – она
Ведёт всегда по жизни нас, храня все ощущения,
Что щедро подарила та волшебная луна.

А счастье было близко так))

Мне снился сон. Довольно странный. Была я в нем звездой
экрана. Поклонники вились вокруг. А я всё думала – к чему
б?

Толь в жизни кайфа не хватает, быт повседневный заеда-

ет? Или напротив – я блещу, но видеть это не хочу?

Во сне была я Клеопатрой, и Ларой Крофт, Скарлет О’Харой.

Брильянты, смокинги, бомонд...

Ну, а в реальности – ремонт в квартире. Муж и дети, забота об иммунитете, работа... Скрыто что во сне? Самой не разобраться мне.

Психолог точно мне поможет – он разрешит вопрос мой сложный, сна тайны разматывает нить, подскажет как мне с этим жить?

Ходила год к специалисту (ведь тайны не сдаются быстро): беседы, тренинги, гипноз... Уже забыла, в чем вопрос, чего хочу, чего хотела, и в чем же, собственно, тут дело...

Решили мы – сигнал во сне, что счастья не хватает мне.

Обшарив мозга лабиринты, сказал – оно, как 3-D принтер – мой многомудрый эскулап.

Я уточнила:

– Это как? Его создать самой мне нужно?

– Нет, – он ответил, – я к тому, что его у большинства, да-да, нет и не будет никогда!

Настроение...

... мыльный пузырь

...быть мыльным пузырем: раздувшись важно,
Собой гордясь, в потоках плыть воздушных.
Блестя на солнце тонким боком влажным,
Летать. Не думать ни о чём ненужном.

Переливаясь ярким перламутром,
Кружить и радовать собой прохожих.
И, наслаждаясь состояньем чудным,
От счастья лопнуть, севши на ладошку.

... мыслитель

...в кругах вращаясь жизненного ада,
Воображая из себя творца,
Задачи сплошь вселенского масштаба
Пытаемся решать мы без конца.

Но осознав – всё в этом мире тленно,
К тому приходим – надо бы, друзья,
Потвёрже локоть уперев в колено,
Задуматься над смыслом бытия.

... кошка

...ах, так!

Не дашь вкусняшек больше значит?

Какой хозяин?!

Ты здесь просто стафф... -

И превосходство демонстрируя кошачье,

Легко запрыгнуть на высокий шкаф.

Спихнуть, что здесь наставил этот лузер,

Полюбоваться, как оно летит,

И, хвост подняв трубой, зрачки до щёлок сузив,

Походкой выразив презрение,

уйти.

... сбежать

...жуть, сударь!

Ваше сердце напрочь залито борщами,

Котлетами в нему завален плотно путь.

Давление, одышка, храп ночами...

Не дай мне Бог на этот путь шагнуть!

В глаза плесну иронии кокетства,

Чуть подслащу её всепонимающим «да-да».

Здесь эффективно одно только средство –

бегство!

О ревуар, мой друг, прощайте навсегда ;)

... гусарское

... всё бросить к чёрту и уйти без сожаленья,
Тяжёлый груз обид оставив в прошлом,
Припомнить юности высокие стремленья
И научиться думать только о хорошем.

Избавить сердце, ум и душу от попоны,
Насквозь пропитанной боязни потной влагой,
И по-гусарски на перила сев балкона,
Хлестать шампанское, бравирюя отвагой.

... взять в руки меч

... язык, конечно, мощное орудие,
И режет, как кинжал, и рушит стены.
Но хочется, устав от словоблудия,
Иным путём решать свои проблемы:

Бессмысленные прекратить дебаты,
Понять, что время действовать настало,
Надеть кольчугу, кованные латы,
Взять в руки меч
И опустить забрало.

... корова

... стресс, суета, тревоги – жизнь сурова.
Уйти б, сбежать от треволнений массы.

Стать безмятежно мудрой, как корова,
Пасущаяся возле автотрассы.

Ходить, с ленцой переставляя ноги,
Не думая о нервном передозе.
Устав, улечься прямо на дороге
В неповторимо элегантной позе.

... шумахер

...больше двухсот... Как думаешь – реально? –
На ухо шепчет кучка вредных бестий.
А почему бы нет? – и в пол педалью –
Сто пятьдесят... сто восемьдесят... двести...

Адреналина вброс по нервам щёткой.
И чувствуешь, как отпуская страхи,
Всё контролирует уверенно и четко
Проснувшийся внутри тебя Шумахер.

... императрица

...не психовать, не плакать и не злиться!
Задрав нос вверх и вздёрнув подбородок,
Почувствовать себя императрицей,
Заботящейся о судьбе народа.

Исполнить «государевы дела» все

И с лёгкою душой перекреститься.
Знать твердо: ты – вершина власти!
А потому – Виват, императрица!

... DreamWorks

...забыть про возраст и, как в детстве, смело
Творить и действовать без планов – наудачу.
По облакам гулять пушисто-белым,
Пойти на озеро по ним, чтоб порыбачить.

В воде увидев неба отраженье,
Закинуть удочку в него с наживкой-мошкой.
Следя за чутким поплавок движеньем,
Сидеть на месяце, покачивая ножкой.

... Кукареку!

...проснуться до рассвета и, окинув
Взглядом простор окрестный,
глубоко вдохнуть.
Почувствовать растущую лавину
Восторга, распирающего грудь.

Презреть всех птах, чирикающих робко,
Сидящих тихо на своём суку,
Взлетевши на забор, прочистить глотку
И громко заорать:

«Кукареку!!!»

Июнь. Отпуск. Астрахань.

Два билета в лето – где жара под сорок.
Проиграло небо свою яркость в спорах
Со светилом жгучим и теперь, бледнея,
Вспоминать о тучах даже и не смеет.

Солнце ж, как монголов иго, беспощадно –
Затопило город стрелами-лучами.
Доходяга ветер в этом пекле диком
Дышит еле-еле, теплым став и липким.

Эскимо, пломбиры, тоник, литры кваса –
Лишь бы охладиться, лишь бы продержаться.
Первый месяц летний жгуч, как перец чили.

В общем – что хотели, то и получили))

Будильник тикает размеренно и сонно,
Просчитывая ночи темноту,
Медлительностью стрелок невесомых
Переходя рассветную черту.

Лучи лениво солнце расправляет,
Смяв утреннюю розовость зари.
Ночь в тиканье будильникового тает,
Накапливаясь у него внутри.

На стенах вывесив рассветные портреты,
Меняет утро комнат антураж
И, двигая оконных рам багеты,
Плетёт из них затейливый коллаж.

Будильник тикает уверенно и чётко
И в тот момент, когда так хочешь спать,
Взрывается звенящею трещёткой
Безжалостно и зло: Пора вставать!

По неделям тучами
Дни плывут тягучие,
Складываясь в месяцы, а потом в года.
Утешаясь редкими
Сладкими конфетками,
Мы всё время мечемся между нет и да.

Жизнь бодрит сюрпризами –

Не снабдив нас СИЗами,
Лестницей верёвочной подменяет лифт.
Да ещё в инструкции
К лестничной конструкции
Явно издевательский
слишком мелкий шрифт.

На конфетках фантики –
Хочется романтики –
В предвкушеньи сладости капает слюна.
Манят приключения,
Тёплые течения,
Радужными планами голова полна.

Мысли осторожные
В сторону отложены.
Поднимают якоря чувства-корабли.
От Большой Медведицы
По сенсорной лестнице

Нагоняет искорки в кровь адреналин.

Лихость плещет волнами,
Паруса наполнены,
За кормою пенится слов ненужных след.
Дни недели ожили,

И сегодня, может быть,
Проскочить получится между да и нет.

Наступает Новый год

Белым праздничным нарядом
На деревья лёг снежок.
Дед Мороз подумал: «Надо
Приготовить свой мешок!»

Взял, встряхнул – чихнул от пыли -
И прикинул: всё ль войдёт.
Письмами-то завалили,
Как всегда, под Новый год!

Потрепал коней по холкам,
Бубенцами позвенел,
Санки попинал и зорким
Взглядом посох оглядел.

Посох – это не игрушка:
Волшебство всё – только с ним!
И он, непременно нужно,
Чтоб был цел и невредим.

Упряжь дедушка проверил.

Дал лошадкам сахарок,
Чтобы бегали резвее.
В санки загрузил мешок,
В навигаторе дорогу
Изучил не торопясь.

Всё в порядке, можно трогать!

И работа началась...

Фонарей протуберанцы
Прошивают ночь насквозь,
Севера сиянье в танце
На полнеба разлилось,
Иней серебром сверкает,
Отражая звёздный свет...

Красоты не замечая,
Крутится юлою Дед.

В городах в квартиры ныне
Просто так не попадёшь:
Дымоходов нет в помине,
В дверь открыто не войдёшь.

Лезет Дедушка отважно

В вентиляцию, в окно:
Потому, что знает – каждый
Ждёт подарков всё равно.

Девушка никак экзамен
На права не может сдать.
А пацан давно мечтает
В теннис лучше всех играть.

Дрон,
айфон,
поездка в Прагу,
скутер,
свадьба,
воз бабла...
Даже посох от напряжения
Раскалился добела.

Но работает исправно -
Чудо чудное творит.
Новый год – ведь это главный
Праздник, что ни говори!

Тот, кто вёл себя примерно,
Что хотел, то получил.
Кто же нехорош был, тем Дед

Ничего не подарил.

Кони в тройке вяло скачут,
Дед Мороз едва живой,
Выполнив свою задачу,
Возвращается домой.

Да, устал. Но как прекрасно
От таких устать забот.
На душе легко и ясно...
Наступает Новый Год!

Рифмоплётство

Это, в общем-то, даже не стихи, а просто развлечение. Происходило оно так. В группе «VK», которая называется «Рифмоплёт», задавалась первая строка стихика, и надо было написать продолжение.

Развлекалась я, развлекалась, а потом перечитала и поняла, что получились вполне себе читаемые стишочки.

Поэтому и решила вставить их в сборник.

Упс... промолвила лиса, -
Чудеса, так чудеса!
Вот у Рифмоплёта тут
Чего только не плетут.
Я порой читать боюсь,
А порою – просто... упс...

Вот пиво водкой не испортишь,
А виски содовой – легко.
До русских (тут ведь не поспоришь!)
Американцам далеко.

Сменил коня на переправе -
Решил проверить афоризм.

И ничего! Да будет славен
Нонконформизм!

Октябрь – очей очарованье:

Оделась осень "от кутюр",
Тайком ночами примеряя
Морозца первого гипюр.

Мужчины ваше неразборчивы очень
Не только в еде, а во всем, между прочим.
И в цвете, и в запахах, в стилях одежды
Ужасные лохи, профаны, невежды.

Поэтому, если твой друг позабудет
Звонок сделать даме, которую любит,
Не парься – не делай из мухи слона!
Ему эсэмэсьни, что ты не одна))

А розы были так себе.
И, мягко скажем, ты дал маху...
И как бы намекнуть тебе
Понятно – шел бы...

лесом.

Сказка – это мир иной –
Добрый, мудрый и волшебный.
И с особой теплотой
Береги его в душе ты.
Можно ведь туда сбежать,
Когда хочется покоя.
Притаиться, помечтать,
И забыть про всё плохое.

Если накопил ты очень много денег,
Если надоел тебе твой старый велик,
То, пожалуй, можно, усмирив гордыню,
Присмотреть какой-нибудь скромный
Ламборджини.

Мы забивали гвозди взглядом,
Мы в космос посылали мысль,
Плечом к плечу стояли рядом
Мы,
Свято веря в коммунизм.

Друзей в контакте слишком много,
Но в этом-то и интерес.
Поскольку их число в итоге
Странице прибавляет вес.

Гляжу на вас отсутствующим взглядом
И думаю (уже в который раз) –
Ну на фига вот это вот мне надо,
Чтоб каждый раз
взгляд натыкался бы на вас?!

Уж много времени прошло.
Все новости я пролистал
И походил, и полежал,
Конфет умял аж полкило.

Стихи писал, друзьям звонил,
Два раза пиццу заказал,
Немного штангу покачал,
Поотжимался, в душ сходил.

Опять к компу вернулся я,
Что значит сущность бытия,

Прочел неспешно. Три разА!

Осмыслить это я не смог...
Лег, стал плевать в потолок...

А ты все красила глаза.

Хлюпает водичка,
Пол весь покрывая.
Твёрдо, как мессия,
По воде шагаю.
Чудеса такие
Раньше тоже были.
Вновь соседи сверху
Кран закрыть забыли.

Ждала его я два часа
Не находила себе места,
Тоской туманились глаза,
Жизнь потеряла интерес свой.

Никто, наверно, никогда
Понять не сможет, как мне нужен
Был только он – моя беда,

Моя мечта –
любимый ужин.

Курчатов думал и боялся:
Нейтроны, ядра, водород... -
Ведь это всё начнет взрываться,
Если реакция пойдёт!

И хоть ты не совсем орлеанская дева,
Но вот ереси много в мышленьи твоём.
Да и в профиль похожа, особенно слева.
Так что лучше уж всё же тебя мы сожжём.

Нам преподносит жизнь сюрпризы:
Головоломки, квесты, квизы...
Но не впадай в оцепененье –
Погугли, и найдёшь решенье!

Попивая кружку кваса,
Глядя на жену тоскливо,
Думал: жизнь была б прекрасна,
Если б это было пиво.

Рано, рано, в шесть утра
Спится очень сладко.
Не пришла ещё пора
Покидать кровать.
Продолжай спокойно спать,
Обними подушку.
Раньше десяти вставать
Никогда не нужно!

Крем и сахар на торте
Вам фигуру испортят,
Но при том настроенье
Вам поднимут в мгновение.

Есть в розетке ноль и фаза.
Если в обе дырки сразу
Гвозди вставить, не робей -
То дойдёт это быстрее.

Актер театра и кино,
Конечно, это круто, но
И в жизни часто лицедей

Живет в плену своих ролей.

Чужая боль, чужая радость

Чужой холодный взгляд в окно...

Что от тебя в тебе осталось,

Актер театра и кино?

Сугробы во дворе растут?

Я вам завидую, страдая -

Асфальт, обледенелый чуть,

В своём дворе я наблюдаю.

Да, и уже который год

Зимой такая вот погода.

Скоро слова «снег» и «сугроб»

Мы исключим из обихода.

У меня сегодня весна.

И вчера была тоже – она.

Но сегодня уже, девчата,

На дворе 9-е марта.

Тараканы в башке шумят,

И не сфокусировать взгляд.

И язык никак в рот не влазит...

Вот он – женский любимый праздник.

Звон монет привлек мой взор –
Я забыла, что есть уши!
Звон стоит перед глазами,
Его так приятно ... видеть.

Мужик в скафандре косит сено –
В движениях размах и плавность.
В любой работе, несомненно,
Всего превыше безопасность!

Ты, как пива глоток, недопитая ,
Ты, как рыбы кусок, недоетая...
Ну, когда пренебрёг я защитой,
И зачем подцепил тебя где-то я.
Я не знаю теперь, кого слушать мне,
Какой следующий сделать шаг,
Где и как отыскать мне отдушину...
Мне мешает
лапша на ушах...

Под перезвон кастрюль танцую
Для мужа танец живота:

И для себя сплошная польза,
И он одной любовью сыт.

Салат из слов, борщи из прозы
И из поэзии котлетки –
Обеденным апофеозом
Будет их чтение с табуретки.

Я с молотком на позитиве
Уж с трёх утра, как пионер,
Вбиваю гвозди по квартире –
Хочу украсить интерьер.
И с самого утра истошно
Орут соседка и сосед.
Они завидуют безбожно -
У них совсем ведь вкуса нет.

– Я люблю убираться в квартире.
– Я достигну чего захочу.
– Нахожусь со своим прошлым в мире.
– Я забыла дорогу к врачу.
– О других говорю я любезно.
– У меня богатырская статья.

Право, это безумно полезно –
С аффирмаций свой день начинать.

Стань джентельменом: ешь овсянку
И дамам двери открывай.
Такое может ведь не всякий –
Не оплошай, давай!

Живем мы в удивительное время –
Девайсы, гаджеты, Wi-Fi и GPS.
Ну, что поэты? Пережиток древний!
Не лирика нужна нам, а прогресс.

Как только крикнешь убирайся,
Так сразу в доме чистота.
Достоинство крутых девайсов –
Функционал и быстрота!

Ты говоришь я не пишу тебе стихи...
Да не пишу – в том смысла я не вижу.
Струны души твоей к поэзии глухи,

Цифр строгий же язык
тебе гораздо ближе.

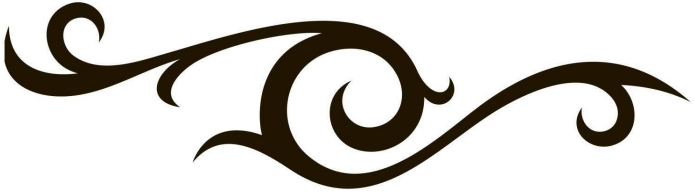
В гостях я проявил себя:
Сперва залез на табуретку,
Собрал вокруг себя ребят -
Им сказку прочитал про репку.
Потом слез с табуретки вниз,
Пел песни, как Билан, и даже
Устроил небольшой стриптиз,
Вызвав волну ажиотажа.

Посылал мне денег Бог,
В тот карман и в этот сыпал.
Но путь жизненный жесток -
Весь запас в дороге выпал.

Зима, сказали, будет очень снежной -
Не верю в это я, ну, ни на грош!
Но в магазин неугасимая надежда
Вновь за лопатой меня гонит всё ж.

Взгляд устремлённый в потолок
Не факт отсутствия процесса -
Лень – это вовсе не порок,
Лень – это двигатель прогресса!

ГОРОД

Готовы зодчим ленинградским
Мы выразить большой респект
За площадь и за Ленинградский
Проспект.

Снег летом, солнца не хватает,
Полгода ночь, полгода день,
В конце июля расцветает
Сирень.

И в сквере, и на въезде в город,
И на вокзале – ясен пень)),
Стоит оленегорский гордый
Олень.

Саамский фестиваль, конечно,
Забуть не позволяет нам,
Что житель коренной
мест здешних -
Саам.

Полярной ночью мехом снежным
Укрыты улицы, дома...
Мягка, пушиста, безмятежна
Зима.

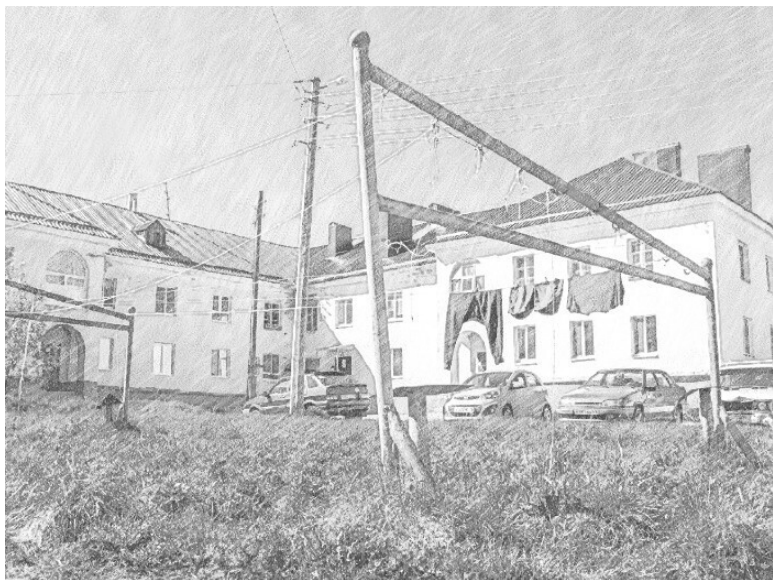

Морозко» – фестиваль преемник
«Морозко»-сказки – ведь давно
И здесь у нас снималось это
Кино.

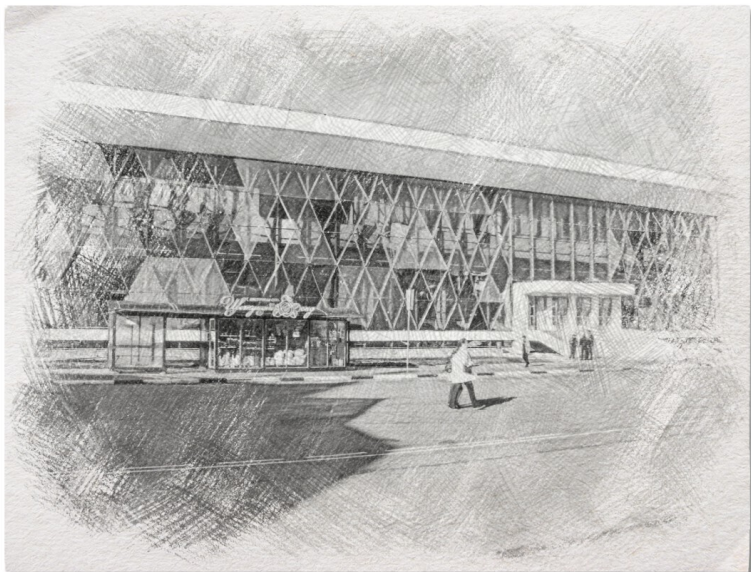
Мы знаем, и никто не спорит –
Все эти долгие года
Железная наш город кормит
Руда.

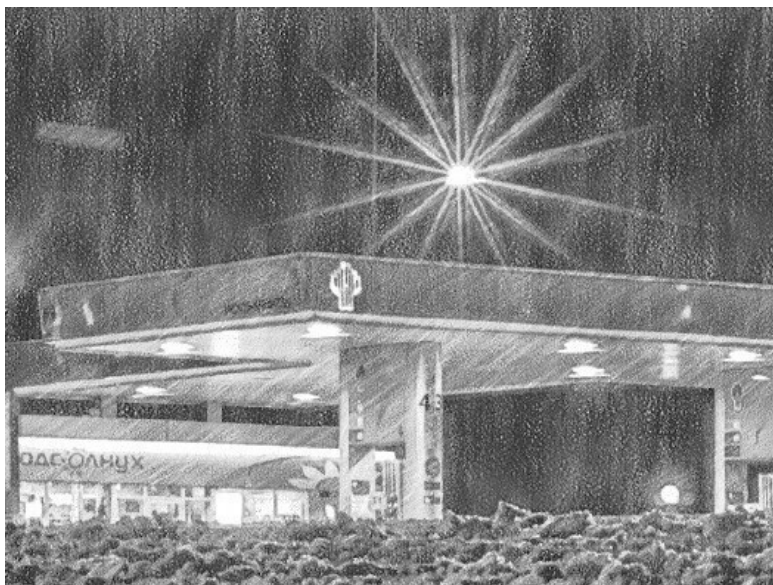
Малоэтажная застройка
Ещё со сталинских времён –
Провинциально милый старый
Район.

Потенциал «Среды комфортной»
В Оленегорске, например,
Нам поменял пустырь и горку
На сквер.

Недавно был Дворец ледовый –
Объектом трудовых бригад.
А нынче здесь сверкает новый
Фасад.

Весьма скромна в Оленегорске
Автозаправочная сеть -
Здесь представитель самый броский -

«Роснефть».

«Лопарка» или «Здравствуй солнце» -
Любимейший у горожан
(и, в общем, – бренд Оленегорска)

Фонтан.

С названием ярким – Молодёжный -
И не обретший тротуар
Один лишь в городе, но всё же –

Бульвар!

Людей времён безытернетных
Чтобы не мучила тоска,
Был в городе культурный центр –

ДК.

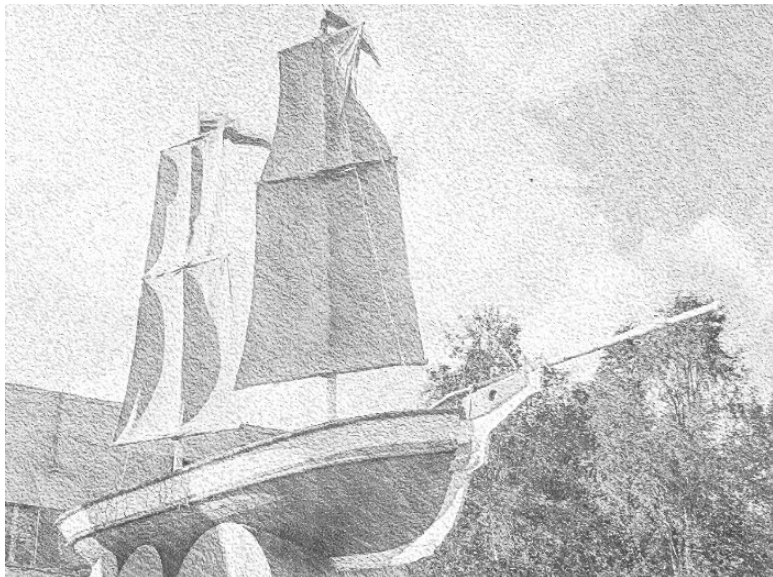
В процессе городосоздания
Он комбинатом был рожден,

Сменивший несколько названий, -
«Олкон».

На площади, а не на небе,

Культурно светит нам всегда
«Полярная (ведь Крайний Север)
Звезда».

Гирлянды, и металл, и ткани –
Менялись паруса не раз.
Никак не ладит с парусами
Баркас.

Я и осень.

Покрыт асфальт шуршащей бурою листвой.
По городу сурово беспределит осень:
Рвет листья ветра грубою рукой,
Вокруг дождей размазывая слезы.

На небе тучи затянули синеву -
Все серо, мрачно, холодно и сыро.
И я уже как будто не живу,
Почти не вылезая из квартиры.

А за окном деревья голые стоят,
Сплетя решетки из замерзших тонких веток.
Хандры медленнодействующий яд
Мне оставляет осень напоследок.

Я не умру, я просто спрячусь до зимы,
Не так уж безнадежно мой диагноз грозен.
Ну, что поделывать, просто как-то мы
Не жалуем друг друга – я и осень.

Вечерний дождь

Уже под вечер хмурый ливень летний
Забарабанил жестко по окну,
Сплетя из капель водяные сети,
В которых город сразу утонул.

Фонтаны брызг запрыгали по крышам,
Растерянно мечась и мельтеша:
Выплакивала слёзности излишек
Тоскующая ливнева душа.

На город выплеснув отчаянья потоки,
Залил всё: скверы, улицы, дома...
Потом непонятый затих и одинокий,
Оставив грусти мокрый аромат.

Ноябрь. Уже темнеет рано,
И город зажигает фонари.
Я достаю мобильник из кармана –
Поговорим?

Недавно выпал снег, но вновь растаял,

И всё – то подморозит, то дождит.
По памяти твой номер набираю.
Рука дрожит.

А помнишь, был такой же темный вечер?
(как осень – вечно мокро и темно).
И ты сказал – всё в жизни человеческой
Предрешено.

Предрешено, что было и что будет,
Кто, с кем, зачем, где, сколько и когда.
А я тогда спросила: что же – люди
Игрушки? Да?
А как же чувства, как же сердце, души?
А как желанья наши, черт возьми?!

Ты засмеялся и сказал: послушай,
ну, не гони.

Твоя теория была мне непонятна -
Ведь человек сам выбирает путь!

А ты уехал...
И тебя обратно
Мне не вернуть...

Я иногда звоню,
когда совсем уж скверно
(ноябрь благоприятен для тоски),
Тебя ещё надеясь опровергнуть.

Гудки...

Гудки...

А птичьи стаи кружат над домами,
Прощаясь и снова на юг улетаю.
И стай многоточия тают в тумане,
Как будто их ластиком осень стирает.

Они не увидят полярные ночи,
Когда солнце даже подняться не хочет
Из-за горизонта. Они не узнают,
Как все с нетерпением его ожидают.

Они не услышат, летая по небу,
Ни хрусткой скрипучести свежего снега,
Ни голос таинственный северной выюги.
Такого, увы, не бывает на юге.

Они не почувствуют, как от мороза

Колючим и звонким становится воздух.
Не заморозит их с таких расстояний
И магия северных наших сияний.

Вы столько теряете, глупые птицы,
Не видя, как иней на солнце искрится,
И как мириады снежинок узорных
Легчайшим плащом укрывают весь город.

Становится тот белоснежно прекрасен
И чист, у зимы оставаясь во власти.

Летите, летите... вам в холод не выжить.
Вернётесь, когда будет лето поближе –
Там день уже солнечен станет и ласков.

Сейчас к нам приходит пусть зимняя сказка!

Весна

Город накрыв теплом и завершая зимний маскарад,
Спешит весна скорей прийти к нам, чувства окрылив.
Ты начинаешь напевать вдруг с самого утра,
Тот незатейливый известный всем мотив.

Вокруг разбрызгивая грязь все дни и ночи напролет,

Смеясь, бежит, по лужам юный озорной апрель.
И сердцу ритм определенный четко задает
Неутомимая весенняя капель.

А в скверах городских, резвясь, летает шустрый Купидон,
Натягивая лук. Под воркованье голубей
Берет в прицел нисколько не задумываясь он
Открытые весне сердца людей.

На тёплых майских улицах
Лениво кошки жмурятся
И греют свои мягкие, пушистые бока.
Бегут ручьи весенние, меняя настроение,
И травка зеленеет уже кое-где слегка.

В окошках – солнце бликами.
И воробьи чирикают.
Готовы одуванчики свой марш-бросок начать.
Счастливые прохожие любуются на кошек и
Бока им гладят. Кошки сонно жмурятся, урча.

Становятся короче дни – зима,

А ночи всё длиннее и длиннее,
И побродить тогда выходит тьма
По городским заснеженным аллеям.

Укутались деревья поплотней
В свои сезонно-снеговые шали –
От некрасивости позднеосенних дней
Они немножко всё-таки устали.

Среди парчовой зимней белизны,
Неровными сугробами надутой,
Есть тайные у интроверши тьмы,
Лишь ей одной известные, маршруты.

Сменяет вечер вновь короткий день,
Заигрывает город с фонарями.
В уютную спасительную тень
Уходит тьма неслышными шагами.

Там, постепенно становясь смелей,
Наряда темный бархат поправляет
И в тишине заснеженных аллей
Рука об руку с декабрём гуляет.

Летали, летали,
Кружили, кружили
Над городом синие сны.
Гадали, гадали
И наворожили,
Что город уснёт до весны.

На мягких перинах и пышных подушках
Из снега притихнут дворы –
Им смех будет сниться летящей в «ватрушках»
По горкам крутым детворы.

Их будут баюкать седые метели,
Петь долгие песни без слов
И, мягко качая в своей колыбели,
Погасят свет в окнах домов.

Зима, не стесняясь, на небо навесит
Попутчицу ночи – луну.
И спрячется солнце, почти целый месяц
Позволив себе отдохнуть.

Но город не спит этой ночью полярной:
Повсюду сверкают огни,
Детишки не снятся дворам, а реально
На санках летают они.

Оконные стёкла мороз разукрасил
Резной ледяной хохломой,
А рамы окон в креативном экстазе
Блестящей покрыл бахромой.

На звёздных дансполах декабрьских улиц
Снежинки танцуют фокстрот,
И небо сияет, неонем волнуясь, -
Вот-вот и уже Новый год!

Снегурочка в городе с Дедом Морозом
На ёлках гирлянды зажгут.
И яркими вспышками россыпей звёздных
Взлетит разноцветный салют.

Январь возвратит долгожданное солнце
И день световой удлинит,
По белому снегу луч солнца пройдётся,
Вокруг разбросав фианит.

И снег заблестит, заискрит, засверкает,
Хрустально засветится лёд.
А ветер-дизайнер, с позёмкой играя,
Сугробов холмы наметёт.

Пушисто нежна и морозно сурова
Зима. Город счастлив в плену –
Холодной красавицей он очарован
И напрочь забыл про весну.

На скриншоте окна одинокая светит луна,
Её звездная свита попряталась в облаках.
Город сонно молчит, фонарями играя в ночи,
Снежный плед, весь дырявый, на плечи накинув слегка.

Гаснут окна домов, утихает звук сказанных слов -
Город прячет за стенами их у себя до утра.
И решает: пора, – небо серые тучи нагнав, -
В плед добавить, пожалуй, ещё серебра.

Укрывает дома снега бархатная пелена
И прилежно латает потрепанный осенью плед.
Город в белом с утра – элегантен, как истинный фронт –
Церемонно встречает по-зимнему поздний рассвет.

В этом городе снова зима.
Ночь чернильная пачкает день,

Заливает поверхность окна,
Оставляя лишь пятна огней.

В этом городе снова темно.
Щедры улицы жгут фонари,
А луна, заглянувши в окно,
Рассыпается пылью внутри.

В этом городе снова мороз.
Провода заставляет искрить
Колким инеем стынущих слёз,
Не давая их скрыть и забыть.

В этом городе снова зима.

В окна снова холодный льёт свет
Бледная от мороза луна...

А тебя в этом городе нет...

Качает нервно ветер фонари,
Швыряет зло метель охапки снега,
Стирая с города небрежно зимний грим,
Февраль пути готовит для побега.

Волнуется холодный бледный март,
Готовясь к появлению на сцене.
И, к сожалению, пока его талант
Наставницей Весной недооценен.

В приоритете у неё апрель –
Он ярче, обаятельней, теплее.
А блёклых декораций акварель
Он дополняет свежестью своею.

Любимец публики – великолепный май
К нам, не торопится на юге отдыхая.
Ну, а на сцене – лицедей февраль
Всё выюжит, выюжит, зиму завершая.

Июнь. Два на часах. Вновь не уснуть.
И солнце с неба уходить не хочет.
А лето ловит на его блесну
Неповторимость заполярной ночи.

Иду по улицам знакомым не спеша -
Иду туда, куда шагают ноги,
А город спит... Лишь изредка шуршат

Колёсами машины на дороге.

Легонько треплет ветерок листву,
Не нарушая общего покоя.
Подошвы кед шагов пружинят звук,
Деля его с ночною тишиною.

Светло. И не желая воспринять
Дневную нереальность летней ночи,
Попытки мозг мой делает собрать
И склеить сна потерянного ключья.

Приподнимая призрачности край,
Ночь открывает переход границы
В мир параллельный философских тайн.

Июнь.
Полярный день.
Опять не спится.

Играет город вечерами в «Столото»,
Жонглируя огнями окон и реклам.
А я опять, свои дела оставив на потом,
Брожу уныло по чужим дворам.

У фонарей среди причудливых теней
Ищу потерянное что-то мной давно.
И по-приятельски мой город помогает мне,
Включая, где совсем темно, окно.

И здесь, на грани отсветов и темноты,
Находятся вдруг удивительные вещи –
Несбывшиеся детские мечты
Становятся в сто раз отчетливей и резче.

А в перекрестном свете звезд и фонарей
Волна надежд накатывает мощным валом,
И вот уже почти тону я в ней –
Накрыла с головой, обняла и подняла.

Огни рассыпались лучами в темноте,
Сияньем их вечерний мрак распорот.
А я иду к своей заоблачной мечте...
Иду с надеждою...
Спасибо, Город!

Сказки

Иван-вирусонос

О! Какие гости! Заходи, Ванюша, заходи! Сейчас я тебя и накормлю, и напою, и спать уложу, и в печь посажу. Что? В печь, говоришь, не хочешь? Ну, ладно, все равно заходи! Ты ж мне почти как родной. Ближе тебя, почитай, никого и не осталось. Хотя, знаешь, что вообще ближе всего человеку? Думаешь – друзья, родственники, родители? Ну, да. Они, конечно, тоже. Заходи!

Руки вон давай только мой. Мертвой водой сначала, потом живой – а то в вашем мире не пойми что творится. По-наплодили заразы всякой! Вот откуда она взялась? Из Китая, говоришь? А в Китай как попала? Сами китаезы изобрели, думаешь? Не иначе, как наш народ сказочный извести решили – больно вы к нам сюда после этого зачастили.

Что, помыл руки? Ну проходи, садись за стол. Да близко-то ко мне не подвигайся. Сиди в уголку. А то вон Лешак

недавно с вашими ребятами в лесу поигрался, так потом еле его выходила. Весь горит, дышать не может, запахов не чувствует – а я даже не знаю какими травами или заклинаниями эту немочь лечить. Перепробовала все свои снадобья – ничё не помогает. Вот тут-то я, Ванюша, и поняла, что в жизни нам ближе всего. Стала потом новые составы придумать да шепотки. Поправился болезный. Для себя тоже настоечку сделала. «Ступа 5» назвала. Но ты все равно сиди там, в уголку, и в тряпочку дыши – береженого-то Мрак бережет. Может и тебе настоечки плеснуть? Что? Накормить обещала? Ну, обещала. Надо ж было тебя приманить-то. Но ты извиняй, Ванюша, нет ничего. Гречка и та вчерась закончилась. И взять-то уж негде.

Кащей-от, наш верховный-то правитель, по всему Тридевятому царству запретов навводил. Летать запретил. Ни на метле, ни на ступе теперича нельзя. Ходить в деревни тоже нельзя. Изба совсем застоялась. Раньше-то я частенько куда наведывалась. Грибочки носила, ягодки разные, травки. А мне за это картошечки, лучка и зелени всякой давали – я у себя всё это не выращу. А нынче сижу тут, только яблочко по тарелочке целый день гоняю – смотрю кто что делает, да жду, чтобы кто ко мне забрел – кушать-то хочется. Горынычу вон тоже летать нельзя. Он тут потихохоньку ко мне пробрался, я ему «Ступы 5» нацедила. Теперя как в тарелочку ни гляну – все он, родимый, в три глотки её лакает. Чувствую, скоро опять ко мне явится.

А Водяной – тот из реки уже и не высовывается, у него на берегу совсем стало не протолкнуться. Понаедут, сидят, шашлыки пекут, о дистанциях и не думают, дышат куда ни попадя... Таку прорву народу и не шуганешь. Водя теперь с русалками всё по закромным местечкам прячутся. Ох, чуёт мое сердце, скоро по всем речкам водянят да русалят наплодят – Кикиморе ж до него не добраться, не приструнить. Вон, гляди в тарелочку, Ванёк, опять в своем болоте сердешная слезы льет. К ней-то и всегда мало кто захаживал.

Вот так и живем, Ванюша. А ты говоришь – не хочу в печь! Тебе все одно – помирать. От печки ли, от вируса. Потому как, Ванёк, ближе всего к нам смерть. Она может прийти в любую секунду. Так что, кормить тебя, сам видишь, нечем, поэтому – попил, отдохнул, байки послушал и давай полезай на лопату. Да руки-ноги не растопыривай, знаю я твои хитрости. От безделья в своей глуши все сказки старые перечитала. Давай-давай побыстрее, а то вон ко мне уже и Дмитрий Силыч едет. Богатырь! Да на коне! Эх, давно я конинки не едала, все гречку, да гречку...

Полезай, Ванёк, полезай!

Про мальчика, который зиму не любил

Жил в одном городе за Полярным кругом мальчик, кото-

рый очень не любил зиму. Звали его Петя. Так получилось, что мама растила сына одна. Отец Пети – очень увлеченный экстремал-снубордист -погиб, попав под лавину, когда мальчику было всего три года. Его Петя совсем не помнил, но почему-то именно с тех пор стал ненавидеть зиму. И даже бояться её. Как только в городе выпадал первый снег, мальчик начинал болеть. Легкая простуда перетекала в ангину, ангина осложнялась отитом, потом начиналась пневмония... и так бесконечно до тех пор, пока снег не начинал таять. Петя не выходил на улицу, постоянно пил лекарства и все больше слабел. Каждую новую зиму мальчик ждал с ужасом.

Мама, конечно же, постоянно переживала за сына. Вывезти его зимой в теплые страны она не могла, потому что все деньги уходили на лекарства и на нянь для Пети, чтобы она сама могла хотя бы ходить на работу. Сначала мама пыталась закалять сына – открывала дома форточки, обливала мальчика холодной водой – но, видя, что Пете становится только хуже, прекратила это делать.

В этом году мальчику исполнилось уже семь лет, и когда выпал первый снег, у него опять поднялась температура. На этот раз болезнь сразу началась с серьёзного недомогания и протекала значительно тяжелее. Мама все ночи просиживала у постели сына, а потом, дождавшись няню, не выспавшаяся шла на работу.

Между тем, приближался Новый год, и дети начинали писать письма Деду Морозу. Мама вспомнила, что Петя каж-

дый год писал Дедушке и горько усмехнулась. Сын просил разные подарки, и она, проявляя чудеса изобретательности, доставала всё, что тот просил и клала под ёлку. Но все праздники Петя всё равно проводил в постели с температурой и подаркам даже не мог по-настоящему порадоваться. К этому Новому году мама уже приготовила для мальчика специальный красивый бланк для письма, но Петя заболел так сильно, что и написать ничего не сможет. Мама вытерла побежавшие из глаз слезы и, повинувшись какому-то внутреннему порыву, села за стол, взяла этот бланк, ручку и сама стала писать Деду Морозу. Конечно, просила она не игрушки и не гаджеты. Попросила она сделать так, чтобы сын её полюбил зиму и перестал болеть.

На следующий день по дороге на работу мама бросила письмо в специальный новогодний почтовый ящик, а придя домой, обнаружила, что мальчику стало ещё хуже. Температура у него почти зашкаливала за сорок, ребенок метался по кровати и бредил. Лекарства совсем не помогали. Вместе с няней они натерли Петю водкой, чтобы хоть немного сбить температуру, а потом мама отпустила помощницу домой.

Сама она ни на минуту не отходила от сына. Водка помогла ненадолго, мальчик опять стал метаться, лицо его горело, он то и дело выкрикивал: Нет! Нет! Боюсь! Не хочу! Отпусти меня!

Мама наложила и периодически меняла на голове и запястьях ребенка охлаждающие компрессы, чтобы хоть немного

облегчить его состояние.

Петя бредил всю ночь, срывал с себя одеяло, вскрикивал, звал маму. А мама сидела около сына, поправляла одеяло, заставляла пить морс, вытирала струящийся по его лицу пот и держала за руку. Ещё с вечера она позвонила начальнику и сказала, что завтра никак не сможет выйти на работу – сын очень болен.

К утру Пете полегчало. Он постепенно утих, лицо его перестало лихорадочно полыхать и расслабилось. Мальчик уже не метался и не вырывал у матери свою руку, лег на спину, глубоко вздохнул и... улыбнулся. Мама сидела, глядя на него, и боялась поверить в это чудо – Петина рука была ещё горячей, но это было уже, конечно, не сорок градусов, и ребенок спокойно спал. Сама не заметив как, мама, тут же сидя у кровати сына, отключилась и уснула.

Проснулась она от боли в шее и руке, всё тело затекло от неудобной позы. Но первое, что она увидела, открыв глаза, был её улыбающийся сын. Он сидел на кровати, подложив под спину подушку, держал маму за руку и смотрел на неё сияющими глазами. Щеки его покраснелись, но это был не болезненный, а нормальный утренний румянец здорового ребенка.

– Мама! – воскликнул сын, – знаешь, где я был?!

– Где?

– Меня Дедушка Мороз катал на своих санях!!! Сначала мне было страшно и холодно, я очень боялся и хотел домой.

А потом он показал мне, как ребята катаются с горки! И меня прокатил. Это было так здорово!

А потом мы с ним поехали на каток! Ты была когда-нибудь на катке? Там так красиво! Он дал мне коньки, и я попробовал на них кататься. Я, конечно, сразу упал, и мне было больно, но там все падали, и я не заплакал. А потом у меня получилось! Мама, у меня получилось кататься на коньках!!!

А потом он мне показал северное сияние! Мама, я же никогда такого не видел!!! Всё небо переливалось и сверкало, а Дед Мороз сказал, что так бывает только зимой! Мама, зима такая красивая!!!

А ещё он мне показал настоящую вьюгу! Снег летал вокруг нас так, что мы даже не видели друг друга, ветер свистел, но я нисколько не боялся! Я уже знал, что зима ничуть не страшная!

А ещё Дед Мороз сказал, как только я полюблю зиму, я сразу перестану болеть! Это правда, мама? Он меня не обманул?!

Мама смотрела на сына, и по щекам её катились слёзы. Слёзы радости и счастья. И она даже не пыталась их вытирать. Она притянула мальчика к себе, крепко обняла и сказала:

– Нет, Петенька. Он тебя не обманул. Он же волшебник, а волшебники никогда никого не обманывают. Теперь ты больше не будешь болеть.

Мальчик положил голову маме на плечо и тоже обнял её.

– Мама, я так люблю зиму! – восхищенно прошептал он.

Страсти роковые

– И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет.

– Пушкин?

– Ага. В школе задали стих выучить.

– Хорошее дело. Учи.

– Да, уже почти выучил. Дед, а у вас тут отремонтировали сквер Космонавтики. Почему – космонавты? Какое отношение город вообще имеет к космосу?

– Да, никакого, конечно. И памятник, который в этом сквере стоит изначально назывался вовсе не «Покорителям космоса», а «Советской молодёжи». Но гуляет у нас в городке одна старая таинственная история. Она уже, можно сказать, стала городской легендой.

– Расскажи.

– Ну, слушай.

Раньше на том месте, где сейчас памятник, была вышка. Та, которая теперь стоит в лесопарке. И город в ту пору на этом месте и заканчивался, вот вместо домов, что справа, был сплошной лес. Для чего вышка тут стояла, не знаю. Да, наверное, и никто не знал, поэтому она сразу начала обрастать разными историями. Одна из них была такая: если зимой, когда на небе будет северное сияние, залезть на эту

вышку, то можно увидеть Большого Оленя, и он предскажет тебе судьбу.

– А ты залезал на вышку?

– Много раз. Особенно в детстве.

– И когда было северное сияние?

– Нет. При северном сиянии не залезал.

– Почему?

– Да просто как-то не случилось. Но слушай дальше. Жил в те времена в городе один парень. Лёха. Ну, то есть, жил он тут, конечно, не один, но речь пойдёт именно о нём. Очень уж он был невезучий. И очень азартный. Любил в карты играть и все время проигрывался. Над ним ребята посмеивались, мол, не везёт в картах, повезет в любви. Но в любви ему тоже не везло. Прямо катастрофически.

И вот как-то, когда его опять девчонка бросила, он выпил, конечно, сел играть в карты с какими-то заезжими мужиками и очень много проиграл. Назанимал денег у друзей, но расплатиться всё равно не смог. Командировочным через пару дней уезжать, они требуют долг, даже поколотили Лёху, а ему платить нечем.

Пришёл он к друзьям, у тех денег тоже нет – что могли ему отдали, зато есть водка. Выпили и пошли гулять. Пришли к этой вышке, что на окраине стояла, а ночь морозная, лунная. Глядь, и запереливалось на небе северное сияние. Ну, ребята давай на Лёхой посмеиваться: вот, говорят, полезай на вышку – может там объявится Большой Олень и подскажет тебе

как быть.

Лёха, недолго думая, взял, да и полез. Освещения-то на окраине, да и вообще, по городу, в те времена и не было, но луна светила так ярко, что Лёху было хорошо видно, и ребята видели, как он добрался до смотровой площадки. Тут сияние стало постепенно бледнеть, угасать и смещаться в сторону, парни внизу начали посмеиваться, мол, не успел Лёха свою судьбу увидеть. И тут ему не повезло.

И вдруг слева, над городом, сияние вспыхнуло с новой силой. Да такое яркое, что все сразу стали смотреть только на него и ни на что больше внимания не обращали. А сияние, переливаясь, стало постепенно приобретать форму огромного оленя. И потом этот огромный светящийся олень пошёл по небу справа, от города, влево – к лесу. Он медленно прошёл мимо вышки, зацепил рогами луну и тут побежал вдаль. Размера олень был такого, что лес казался травой. Силуэт оленя быстро померк и растворился. И луна исчезла. Стало совсем темно.

Тут только парни опомнились и стали звать Лёху, который ещё не спустился. Они кричали ему, но тот не отзывался. Мороз всё крепчал, уже все заоченели. Стали думать: может Лёха пьяный умудрился уснуть там наверху. Решили – надо залезть снять его с вышки, а то ведь замёрзнет, да померёт.

Один из парней, Саня его звали, полез. Потом спускается – глаза как блюдца, рот открывает, а сказать ничего не может.

Еле привели его в чувство, подумали – всё, Лёхе кранты, и Саня снять его не смог. А тот отдышался немного и говорит – мужики... там никого нет...

Ему, конечно не поверили. Один за другим все из компании слезили наверх: все убедились, что Лёхи на вышке нет. Искали парня потом ещё долго – была версия, что пока друзья смотрели на оленя, тот спустился и незаметно ушёл – но так и не нашли. И стали тогда возникать слухи, что Лёху похитили инопланетяне. Тема про НЛО как раз очень популярна стала в те времена.

Город разросся. Вышку отсюда убрали, перенесли в лесопарк. История забылась, а место-то это всё равно осталось, видно, связанным с космосом. И когда тут памятник поставили «Советской молодёжи», да одели эту молодежь в космонавтские костюмы, монумент этот тут же окрестили «Покорителями космоса».

Вот так-то, внучок.